

Украина. Поле мнений

серии проекта

Серия 1

Мониторинг общественного мнения

Выпуски серии

Выпуск 49

Аналитический доклад. Итоги электорального цикла 2002-2004г. на Украине

Украина.

Поле мнений

Аналитический
доклад

2005 г.

Итоги электорального цикла 2002 – 2004 гг. на Украине
(трансформация политического пространства и перемены
в массовых настроениях)

1. Резюме	3
2. Источник данных	6
3. Массовое сознание украинского общества: проблемы идентичности и политической консолидации	8
3.1. Социально-политические характеристики массовых настроений.....	8
3.2. Историко-геополитическая диспозиция	10
3.3. Кризис идентичности украинского общества	12
3.4. Проблема политической консолидации.....	13
4. Массовые настроения украинского общества к началу последнего электорального цикла (к 2002 – 2004 гг.): стереотипы и динамика	14
4.1. Становление новой интегрирующей общество системы ценностей и освоение институциональных основ политической демократии.....	14
4.2. Цивилизационный выбор и проблема идентичности	17
4.3. Взгляд на российско-украинские межгосударственные от- ношения.....	28
4.4. Русский язык на Украине	30
4.5. Структурная модель геополитических ориентаций современной Украины	31
4.6. Особенности функционирования украинской политической системы.....	34
4.7. Политические трансформации парламентской кампании 2002 г.....	36
5. Президентские выборы 2004 г. и тренды массовых настроений	40
6. Эффект "оранжевой революции" в массовом сознании украинского общества: выводы и прогнозы	55
Литература	64

- Президент
Александр Ослон
- Директор
по исследованиям
Елена Петренко
- Аналитический отдел
Григорий Кертман
- Отдел обработки
данных
Алексей Чуриков
- Отдел организации
исследований
Ольга Меньщикова
- Редакционный отдел
Анна Данилова
- Финансовый отдел
Марианна Кононова
- Полевые работы
КМИС г. Киев
Президент - Валерий Хмелько
Директор - Владимир Паниотто

Отчёт подготовили:

Владимир Лапкин (автор)
Елена Петренко (научный редактор)
Анастасия Егорова,
Мария Каневская, Ксения Петренко
(редакторы)
Анна Данилова
(компьютерная верстка)

Дата выпуска
6 июля 2005 г.

Фонд "Общественное мнение"

119421, Москва,
ул. Обручева, 26, корп. 2
телефон: 745-87-65,
факс: 745-89-03
e-mail: fom@fom.ru
internet: www.fom.ru

Оглавление

1. Резюме.....	3
2. Источник данных.....	6
3. Массовое сознание украинского общества: проблемы идентичности и политической консолидации	8
3.1. Социально-политические характеристики массовых настроений	8
3.2. Историко-геополитическая диспозиция.....	10
3.3. Кризис идентичности украинского общества.....	12
3.4. Проблема политической консолидации	13
4. Массовые настроения украинского общества к началу последнего электорального цикла (к 2002 г.): стереотипы и динамика	14
4.1. Становление новой интегрирующей общество системы ценностей и освоение институциональных основ политической демократии.....	14
4.2. Цивилизационный выбор и проблема идентичности.....	17
4.3. Взгляд на российско-украинские межгосударственные отношения.....	28
4.4. Русский язык на Украине.....	30
4.5. Структурная модель геополитических ориентаций современной Украины	31
4.6. Особенности функционирования украинской политической системы.....	34
4.7. Политические трансформации парламентской кампании 2002 г.	36
5. Президентские выборы 2004 г. и тренды массовых настроений.....	40
6. Эффект "оранжевой революции" в массовом сознании и политической практике украинского общества: выводы и прогнозы.....	55
Литература	64

1. Резюме

- Завершение очередного (2002-2004 гг.) украинского избирательного цикла стало своего рода естественным рубежом постсоветского развития Украины, обозначившим серьезные дисфункции в ходе ее адаптации к институциональным образцам современной демократии. За последние 15 лет в украинском обществе нарастал разрыв между воспринятым в начале 1990-х демократическим институциональным идеалом и несовершенной практикой, выражающейся в неготовности элит к выработке политического компромисса в рамках сформировавшихся институтов, а значительной части украинского общества – к использованию институтов демократии для отстаивания собственных интересов.

К началу 2000-х гг. на Украине сформировался фундаментальный (хотя и латентный) раскол, делящий общество на тех, кто по-прежнему ощущал своей страной СССР, тех, кто, напротив, более или менее последовательно ориентировался на независимую Украину, и, наконец, тех, кто разрывался между "прошлым" и "настоящим", считая своими и СССР, и независимую Украину. Этот раскол наложился на предельно неоднородную по своим ценностным приоритетам и политическим ориентациям макрорегиональную структуру украинского общества, воплотившую в себе основные проблемы и противоречия генезиса украинского государства.

- В ходе парламентской (2002 г.) и президентской (2004 г.) избирательных кампаний на Украине наблюдалась борьба различных сценариев и стратегий преодоления дисфункций национального развития, предлагаемых конкурирующими политическими элитами Украины. В ходе парламентской кампании на правом фланге украинского политического спектра появилась фигура экс-премьера В. Ющенко, возглавившего блок "Наша Украина" и консолидировавшего электорат умеренно националистической ориентации.

До этого момента относительно консолидированному левому флангу украинского политического спектра (представляющему по большей части восточные и южные регионы Украины) противостояли многочисленные, активно конкурирующие друг с другом и стремительно маргинализирующиеся право-националистические партии, имеющие поддержку преимущественно в западных регионах. Такая ситуация позволяла "партии власти" сохранять контроль за политическим процессом в стране, лавируя между политическими требованиями западных и восточных регионов, а компартии (КПУ) сохранять монополию на лидерство среди оппозиционных политических сил и тем дополнительно стабилизировать сформировавшийся режим.

Электоральный проект "Наша Украина" сформировал принципиально новую политическую ситуацию, создав прецедент консолидированной правоцентристской оппозиции действующей власти и придав украинскому национализму имидж респектабельной и предсказуемой политической силы. И тем самым была предопределена основная коллизия президентской избирательной кампании 2004 г. – Л. Кучма и его администрация были лишены политической инициативы.

- Уже к началу 2000-х гг. значительная часть украинской политической элиты вполне отчетливо артикулировала свою неудовлетворенность президентской политической системой и намерение перейти к парламентской форме правления путем кардинальной политической реформы. Смысл такой реформы – законодательно исключить возможность единоличного обладания верховной политической властью, а условием ее обретения сделать создание устойчивой межпартийной парламентской коалиции.
- Попытки обнаружить подвижки в массовых настроениях украинского общества дают результат поистине парадоксальный: если здесь и можно говорить **об изменениях** в массовых настроениях, то **события ноября-декабря 2004 г. стали их причиной**, но никак не были ими подготовлены. С приближением даты президентских выборов в украинском обществе постепенно нарастали пророссийские настроения, которые достигли своего максимума непосредственно накануне выборов. Но само решающее голосование и его результаты (как и в 2002 г.) развернули наметившуюся до того тенденцию вспять: пророссийские настроения несколько ослабели, а осторожно-компромиссная позиция получила дополнительную поддержку.
- Победа оппозиции была обеспечена благодаря использованию нетривиального политического инструмента, поименованного "оранжевой революцией" и сочетающего декларацию верности демократическим идеалам с более понятной украинскому населению практикой "прямой" или "революционной" демократии. "Оранжевая революция" стала олицетворением породившего ее острого политического кризиса и подтолкнула украинское общество к поиску выхода из этого кризиса за рамками действующей конституции.

"Оранжевая революция" (уже одним своим названием выдающая "страшную тайну" президентских выборов в Украине, тайну "революционной", но отнюдь не конституционной легитимности вновь избранного украинского лидера) стала символом и предельно отчетливым воплощением кризиса политической системы, сформировавшейся в Украине в постсоветский период. Она и сегодня остается своего рода миной замедленного действия в основе того политического режима, который сформировался по итогам голосования 26 декабря 2004 г. Незрелая украинская демократия, обрела адекватные себе механизмы передачи власти.

- Ближайшие месяцы станут определяющими как с точки зрения реконфигурации властных элит Украины и их готовности следовать взятым на себя конституционно-правовым обязательствам (в частности, – обязательствам завершить конституционную реформу), так и с точки зрения сдвигов в массовом сознании (его готовности к радикализации политической практики или, напротив, его "усталости" от "революции" и склонности к умеренности и консерватизму).

В целом при любом из возможных вариантов развития событий налицо радикальное изменение политической ситуации. Впереди Украину ожидают не менее серьезные институциональные трансформации и неизбежно связанные с этим изменения не только структуры и организационных форм взаимодействия ее политических элит, но и самой "идеологии" олицетворяемого ими политического процесса.

- На уровне конкретных политических предпочтений налицо глубокое разочарование избирателей *юга* и *востока* Украины в своих прежних лидерах и возглавляемых ими политических объединениях. Это создает уникальные возможности реконфигурации украинского политического пространства и формирования новой "повестки дня", новых правил политической игры.

В преддверии предстоящих в 2006 г. парламентских выборов освобождающиеся электоральные ресурсы (прежде всего на юге и востоке страны) оказываются **ключевым объектом борьбы** между амбициозными лидерами "оранжевой революции". При нормальном, цивилизованном развитии политического процесса это могло бы стать основой эффективной агрегации политических интересов и формирования прото-двухпартийной политической системы, в рамках которой могла бы быть найдена формула институционализации базового идейно-политического конфликта украинского общества и перевода непримиримого противостояния *северо-запада* и *юго-востока* в плоскость регламентированных формальными процедурами и законом парламентских прений. Но шансы на реализацию такого цивилизованного сценария развития невелики. Политические традиции постсоветской Украины и логика "оранжевой революции" навязывают стране иную траекторию политического движения, когда сохраняется и обретает новые стимулы практика закулисных манипуляций и теневых соглашений.

- "Цветные революции" стали своего рода "закономерностью" на пути эволюции постсоветских демократий. Применительно к этому классу политических режимов уже можно говорить об **универсальности опыта** "революционного преодоления" дисфункций сформированных в этих условиях политических систем. Вместе с тем, украинский случай демонстрирует известную сопротивляемость сформировавшихся в постсоветский период институциональной системы и ее хорошую адаптивность к "революционным" новациям. Предстоящие политическая реформа и парламентские выборы станут, по всей видимости, тем решающим опытом, который позволит судить, способна ли украинская полития продолжать эволюционное движение по пути освоения институциональных форм демократии.

2. Источник данных

В 2001-2002 гг. Фонд "Общественное мнение" провел* первую серию общеукраинских опросов по репрезентативной выборке в 110 населенных пунктах всех областей (включая республику Крым). Опросы проводились в период с июля по октябрь 2001 г. ежемесячно, а с ноября 2001 г. по май 2002 г. – раз в две недели. Всего за указанный период было проведено 20 опросов. Последний опрос этого цикла проходил в июле 2002 г. Все интервью проводились по месту жительства респондентов. Размер выборки – 2000 человек. Статистическая погрешность не превышала 3,0%.

Для более полной характеристики структуры межрегиональных идейно-политических и социально-культурных размежеваний (cleavages) в массовом сознании, данные опросов группировались по семи макрорегионам (численность опрошенных в каждом из которых составляла от 13% до 16% от общей выборки; ошибка выборки в каждом из выделенных макрорегионов не превышала 6%).

Макрорегионы были сформированы из следующих областей (см. *рис. 1*):

- *южный* – республика Крым; Николаевская, Одесская, Херсонская области;
- *юго-восточный* – Днепропетровская, Запорожская, Кировоградская области;
- *восточный* – Донецкая, Луганская области;
- *северо-восточный* – Полтавская, Сумская, Харьковская области;
- *северо-центральный* – Киев; Киевская, Черкасская, Черниговская области;
- *северо-западный* – Винницкая, Волынская, Житомирская, Ровенская, Хмельницкая области;
- *западный* – Закарпатская, Ивано-Франковская, Львовская, Тернопольская, Черновицкая области.

Киев, территориально входящий в *северо-центральный* макрорегион, анализировался особо.

В 2004 г. общеукраинские опросы по репрезентативной выборке в 111 населенных пунктах всех областей (включая республику Крым) проводились в период с января по декабрь 2004 г. с различной частотой (от одного опроса в месяц в начале этого периода до одного опроса в неделю в период, непосредственно предшествовавший президентским выборам). Всего за указанный период было проведено 25 опросов. Последний опрос этого цикла был проведен после третьего тура голосования в самом конце 2004 г. Все интервью проводились по месту жительства. Размер выборки составлял около 2000 человек. Статистическая погрешность не превышала 3,4%.

В мае 2005 г. был проведен еще один общеукраинский опрос. Размер выборки вновь составил 2000 респондентов. Статистическая погрешность не превышала 3,4%.

* Полевые работы в 2001-2002 г. и в 2004 г. проводил КМИС г. Киев.

Карта

3. Массовое сознание украинского общества: проблемы идентичности и политической консолидации

3.1. Социально-политические характеристики массовых настроений

Адаптация массового сознания к современным политическим институтам и ценностям – важнейшее условие модернизации общества. И хотя прямое отождествление западных реалий с современностью в целом неправомерно, в сознании элит ряда постсоветских стран *современные* институты и ценности приравниваются к *западным*. То есть под модернизацией, как правило, понимаются преобразования, воспроизводящие западную модель политического развития. В результате отношение к западному опыту, степень готовности к его освоению и острота осознания потребности в этом освоении стали важными факторами идейно-политической дифференциации постсоветских обществ, определяющими динамику и основные тренды социально-политических перемен. Без понимания основных тенденций и перспектив политических и социокультурных трансформаций, происходящих на постсоветском пространстве и связанных с освоением этого опыта, невозможен анализ особенностей массового сознания населения этих стран (и в частности, Украины).

Украина, наряду с Россией, представляет собой крупнейшее постсоветское государство, унаследовавшее основные специфические черты советского хозяйственного и социально-политического устройства. Речь идет не только о коренящихся в советском прошлом стереотипах массового сознания, но и о многочисленных пережитках советского общественного строя, об особой партийно-хозяйственной "генетике" элит, о слабой укорененности в сознании масс и в политической практике норм демократии и уважения к демократическим институтам и ценностям.

К началу президентской кампании 2004 г. для Украины по-прежнему оставался открытым вопрос о выборе стратегических ориентиров политического развития. Это отличало ее от большинства других постсоветских государств, избравших путь либо последовательной интеграции в западное сообщество (как, например, страны Балтии), либо, напротив, решительного демонтажа всех более или менее значимых элементов демократии и свободного рынка (страны Средней Азии, Азербайджан, в значительной степени – Белоруссия). Вместе с тем, неясно было и то, в каких политических формах будет осуществляться последующее развитие Украины: либо она сохранит приверженность либеральным ценностям, либо повернет к авторитаризму.

Институциональный дизайн Украины с формальной точки зрения довольно характерен для постсоветских президентских республик. Его отличает доминирование инсти-

туда президентства и зависимость от него законодательной и судебной ветвей власти. Вместе с тем, механизмы консолидации элит на Украине оставались весьма нежесткими: они базировались на теневом соглашении элит, обеспечивавшем им эффективный контроль над обществом.

Одна из причин такой "нежесткости" – отсутствие в украинском массовом сознании потребности в сакрализации верховной власти. Как первый, так и второй украинские президенты, придя к власти в качестве компромиссных фигур, не могли претендовать на роль харизматического лидера нации¹. Обратной стороной этого оказывалась известная слабость президентской власти и государственности в целом, что в кризисных ситуациях серьезно сказывалось на внутривластной устойчивости Украины.

Это последнее обстоятельство обуславливало еще одну особенность украинской политической системы – заметно возросшую к началу 2000-х гг. и вполне отчетливо артикулируемую украинской политической элитой неудовлетворенность президентской политической системой и намерение перейти к парламентской форме правления путем кардинальной политической реформы. Речь идет о принципиальном для понимания сути политического кризиса 2004 г. обстоятельстве – о вызревшем к началу 2004 г. стремлении украинской политической элиты добиться конституционного закрепления практики, исключающей возможность единоличного обладания верховной политической властью, а условием ее обретения становилась бы способность к созданию устойчивой межпартийной парламентской коалиции.

Очевидная угроза сформировавшемуся политическому порядку, таящаяся в такого рода устремлениях, вынудила заинтересованные в его сохранении силы противодействовать подобному сценарию. Вопреки прежней практике компромисса и теневого сговора элит, политические изменения на Украине оказались подчинены фактору революционной целесообразности. Революционная легитимация оказалась решающим условием обретения президентской власти, а революционная (т. е., по существу, принудительная) консолидация элит – средством политической стабилизации общества. "Оранжевая революция" открывала национально ориентированной бюрократии возможность по-новому выстроить вертикаль президентской власти, более отчетливо учитывая ее собственные интересы.

Причудливая форма этой "революции", ориентированной на западную поддержку и враждебной по отношению к восточному соседу Украины, не должна дезориентировать внимательного наблюдателя. Существо ее выражает отнюдь не противостояние абстрактных "демократии" и "диктатуры" (современная Украина далека как от первой, так и от второй) или "коррупционеров" и "борцов за правду". Суть ее во многом проясняется характером сопутствующих и воследовавших ей политических перемен, речь о которых подробнее в заключительных главах настоящего доклада.

¹ Обратим внимание, что оба украинских президента получили от избирателей мандат на национально-государственное строительство, но при этом – парадоксально – при электоральной поддержке большинства, ностальгирующего по СССР и не склонного отделять себя от России.

Вместе с тем, отметим, что геополитическое размежевание украинского общества в ходе президентской кампании 2004 г. на поддержавший В. Ющенко *запад и север*, с одной стороны, и голосовавший за В. Януковича *восток и юг*, с другой, отнюдь не случайно.

Уникальное геополитическое положение, мощные импульсы к национально-государственному самоопределению, приобретенные в процессе распада СССР, явились главными формообразующими элементами украинской политической жизни. И в результате идея национально-государственного суверенитета становится основным источником идейного и социально-политического размежевания на Украине. Это жесткое размежевание оттеснило проблемы, связанные с либерально-рыночными преобразованиями и порождаемым ими социальным расслоением на второй план. Ключевой предпосылкой стали фундаментальные геополитические и геокультурные "расколы" в обществе, обусловленные историческим формированием украинского социума и обретением им государственности.

3.2. Историко-геополитическая диспозиция

Реконструкция национальной истории на постсоветской Украине в условиях современной глобализации и общеевропейской интеграции вынуждает принимать во внимание не только западный опыт социально-политической модернизации, но и собственные – как бы проступающие из глубин истории – традиции.

Поиски этих традиционных основ для Украины приводят к Киевской Руси как к первому государству, объединившему племена восточных славян. Феодалная раздробленность Киевской Руси в XII – середине XIII вв. и нашествие монголо-татар вызвали распад этого государства (наиболее крупными и политически значимыми образованиями на территории Киевской Руси стали Полоцкое княжество, Галицко-Волынское княжество, Владимиро-Суздальское княжество и Новгородская земля). Это привело к диверсификации (с конца XIII в.) эволюционного развития разъятых новой геополитикой и новым политическим ландшафтом сегментов прежде политически консолидированного восточнославянского этноса. На землях Владимиро-Суздальского княжества, Новгорода и Пскова сформировалось Великое княжество Московское, западные княжества (Полоцкое, Турово-Пинское, Галицко-Волынское, часть которого, вместе с Галичем, отошла к Польше; Киевское, Черниговское, Смоленское и Новгород-Северское) вошли в состав Великого княжества Литовского. В XVI веке Литва заключила унию с Польшей, образовалась Речь Посполитая, просуществовавшая до XVIII века. На южных границах бывшей Киевской Руси возникло Крымское ханство, в 1475 году попавшее в вассальную зависимость от Османской империи.

Центральная часть современной Украины, – земли, подвергшиеся наиболее сильному разорению в ходе монголо-татарского нашествия, – в течение нескольких столетий оставалась пространством, на котором разворачивалось ожесточенное противоборст-

во Крымского ханства, Великого княжества Литовского и Великого княжества Московского.

В структуре основных идейно-политических и социокультурных размежеваний (cleavages) Украины ее региональная дифференциация предстает во многих отношениях наиболее ярким элементом, как бы фокусирующим ключевые проблемы и противоречия генезиса украинского национального государства. Этнокультурные и социополитические различия, обусловленные этой дифференциацией, выступают заметно более значимым фактором социальных трансформаций и национального самоопределения, нежели различия, обусловленные возрастом, образованием, уровнем доходов и т.д. В основе этой региональной дифференциации лежат ментальность, традиции и уклады, сложившиеся в ходе многовековой истории, в которой идея "столяного града Киева" как центра земли Русской сопрягалась с практикой формирования и освоения разнообразных окраин (*украин*) тремя соперничающими государствами: Великим княжеством Московским / Россией, Великим княжеством Литовским / Речью Посполитой и Крымским ханством (за которым стояли турки-османы).

Попытки формирования независимой украинской геополитики, предпринимавшиеся в начале XX в. в рамках Российской империи, оказались непоследовательными и малопродуктивными, так как из этого процесса были исключены западно-украинские земли – Галиция и Волынь. Как ни парадоксально, лишь реимпериализация в рамках послевоенного СССР окончательно сформировала предпосылки геополитической консолидации единого украинского государства, уже к концу 1940-х гг. обретшего некоторые формальные признаки национального суверенитета (например, представительство в ООН).

В ходе этой консолидации окончательно сформировалась структура украинского государства, с Киевом в качестве центра, связующего три весьма разнородные "украины" (разнящиеся по историческому генезису, этнокультурному составу и социально-политическим приоритетам). К числу их российский политолог М.В.Ильин относит, во-первых, "Слободскую Украину" или бывший полтавско-харьковский лимес Московии; во-вторых, Галицию или бывший лимес Австро-Венгрии; наконец, в-третьих, Причерноморье, или бывший лимес Османской, а затем Российской империй. "У каждой из таких "украин", – отмечает М.В.Ильин, – есть свое псевдозарубежье – выдвинутый вовне, "зависающий" регион, который выступает в роли геополитического имитатора внешней зоны. Для "Слободской Украины" – это фактически русскоязычный Донбасс, для Галиции – исторически русинское,.. как бы потустороннее Закарпатье, для Причерноморья – черноморский Крым".² Эта исторически сложившаяся структура сохраняется и устойчиво воспроизводится в новых условиях независимой Украины, оказывая во многих отношениях решающее воздействие на ход политического процесса и государственного строительства на Украине.

² Ильин М. В. Этапы становления внутренней геополитики России и Украины. // *Полис*. 1998. № 3. С. 94.

3.3. Кризис идентичности украинского общества

Постсоветское развитие Украины шло в условиях глубокого социокультурного кризиса, связанного с разрушением прежней, советской, идентичности и поисками новых ценностных ориентиров и норм социальной регуляции. Среди этих ориентиров основными являются, с одной стороны, Запад, с другой, – национальная традиция (зачастую мифологизированная и/или заново конструируемая).

Отношение к Западу, к его базовым ценностям и институциональному опыту, соотнесение собственных успехов и неудач с достижениями и противоречиями западной цивилизации имели чрезвычайно важное значение в ходе осуществления социально-политических трансформаций на всем пространстве бывшего СССР. Они и сейчас являются одним из ключевых факторов социокультурной эволюции Украины. Сочетание усиливающихся среди украинцев прозападных настроений и сохраняющихся пророссийских (или, скорее, просоветских) формирует напряженное поле конфликтующих идентификационных моделей.

Необходимость адаптации к постсоветскому, постимперскому существованию, к новой конфигурации власти и собственности, к новому геополитическому климату способствовала стремительному размыванию устоявшейся системы ценностей, последовательному демонтажу рудиментов советской институциональной структуры. Эпоха демократизации политики и рыночных реформ потребовала освоения новых, неведомых советскому человеку социально-политических практик, норм, ценностей, социальных нормативных, поведенческих и идейных ролей и установок. На этой эклектичной базе начали складываться альтернативные массовые практики и социокультурные образцы.

Либерально-индивидуалистические модели социально-экономического поведения оказались для многих жителей Украины наиболее надежной основой формирования жизненных целей. Они не только обеспечивали возможность реализации частных интересов, но и предлагали новые паттерны социальной и цивилизационной идентификации. Вместе с тем, результаты социологических опросов свидетельствуют, что в постсоветских условиях некоторые весьма эффективные для индивидов способы адаптации представляют серьезную угрозу социальной интеграции и безопасности, разрушают базисные условия совместного существования граждан. Более того, значительная часть украинского общества оказалась не в состоянии быстро приспособиться к новым реалиям. Среди ее представителей нарастала ностальгия по прежней союзной государственности и социалистически-уравнительному жизненному укладу³. В результате латентная неоднородность массового сознания стала трансформироваться в фундаментальные ценностные расколы.

³ См.: Украина. Поле мнений. Социологические сообщения Фонда "Общественное мнение" 2001 г. № 13. С. 60.

3.4. Проблема политической консолидации

Институциональная структура и "институциональный дизайн" украинской политики долгое время оставались компромиссными. Более того, институциональная модель, положенная в основу украинского национального государства, вступала в противоречие с фактическим уровнем развития общества, не обеспечивая элементарных условий для его функционирования и воспроизводства. Но вместе с тем подобная институциональная структура, будучи в стратегическом аспекте крайне неэффективной, обеспечивала согласование интересов различных социальных групп, кланов правящей элиты, западных и восточных областей Украины.

Характерный для украинской институциональной модели эклектизм вел к быстрому износу системы: росту транзакционных издержек в процессе политического торга, распространению коррупции, падению доверия к политическим институтам. В конце концов возникла острая потребность в конституционной реформе и принципиальном перераспределении властных полномочий между президентом, парламентом и правительством. Поскольку существующие институты и элиты очевидным образом оказались не способными обеспечить проведение такой реформы, страна оказалась в "политическом тупике", что, собственно, и стимулировало поиск радикально-революционных и бескомпромиссно-конфронтационных стратегий выхода из кризиса и подготовило массовое сознание к их приятию. Склонность к подобным политическим решениям выявляет незрелость украинской демократии и неэффективность сложившихся институтов в ситуации политического кризиса.

Иными словами, сложившаяся в 1990-е гг. украинская политическая система не смогла осуществить политическую консолидацию нации и добиться общественного согласия. Для политической ситуации на Украине накануне президентских выборов 2004 г. был характерен поразительно низкий уровень доверия граждан к политикам, к их способности отстаивать интересы граждан. Отметим – по контрасту, – что рейтинг В. Путина на Украине в течение большей части 2004 г. устойчиво превышал общеукраинские рейтинги всех украинских политиков, кроме В. Ющенко⁴. Причем для жителей значительной части украинских регионов российский лидер представлялся более привлекательным политиком, чем кто-либо из национальных лидеров.

⁴ Украина. Поле мнений. Социологические сообщения Фонда "Общественное мнение". 2004. № 016. С. 6, 7, 31.

4. Массовые настроения украинского общества к началу последнего электорального цикла (к 2002-2004 гг.): стереотипы и динамика

4.1. Становление новой интегрирующей общество системы ценностей и освоение институциональных основ политической демократии

Институциональные преобразования становятся действительно необратимыми, когда они восприняты обществом и закреплены в системе общественных ценностей. В современной Украине (как, впрочем, и в России) этого еще не произошло. Институциональные новации, связанные с демократизацией сферы публичной политики в постсоветский период, носят во многом поверхностный, формальный характер. Массовое сознание еще не освоило на практике предлагаемые этими институтами возможности, не оценило их преимущества.

Вместе с тем, уже на ранних стадиях демократической трансформации и реальная политическая практика, и социологические опросы выявили устойчивое предпочтение президентской формы правления. При всем своем несовершенстве институт президентства пользовался в глазах общества большим доверием, чем, скажем, институт парламентаризма. Так, по данным ИС НАН Украины, с мая 1994 г. по май 1998 г. доля тех, кто хотел бы видеть президента главой правительства, несущим всю полноту ответственности за внутреннюю и внешнюю политику страны, возросла с 53% до 60%. Одновременно доля сторонников распределения власти между президентом и премьером понизилась с 10% до 7%⁵. Подобная позиция большинства граждан Украины напрямую определяет восприятие президентских выборов как имеющего решающее значение. Причины такой установки, с одной стороны, связаны с политической культурой постсоветской Украины, ориентированной на патернализм, иерархическое устройство и персонификацию реальной власти, с другой, – с относительной неразвитостью партийно-политической системы, с далеко зашедшей атомизацией общества, отсутствием практики политически консолидированного действия и гражданской солидарности. Прежний псевдоколлективистский опыт советского периода скорее мешал реальной политической артикуляции групповых интересов, нежели подсказывал необходимые практические решения.

Как известно, в ситуации глубокой фрустрации и неспособности общества к самоорганизации для противостояния вероятным опасностям массовое сознание зачастую наделяет фигуру президента поистине безграничным потенциалом в деле защиты и сплочения общества. Подобное политическое устройство, предполагающее право граждан выбирать себе "защитника", на протяжении, по крайней мере, десятилетия сохраняло притягательность для большинства населения Украины.

⁵ Головаха Е. Выборы президента Украины в социологическом ракурсе. // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 1999. № 4. С. 23.

К концу последнего десятилетия прошлого века на Украине сложились различные типы восприятия демократических институтов, порою противоположные. Для первого типа (наиболее характерного для юга и востока Украины) ценностные ориентиры сопряжены с неприятием украинского национализма и ориентацией на сближение (или даже воссоединение) с Россией, с отчетливым отчуждением от украинской политической жизни как таковой и отторжением разного рода проектов политического альянса между центральной (киевской) властью и умеренно националистическим электоратом. Для второго типа (доминирующего в западных областях), напротив, ориентации включают в себя ярко выраженную националистическую составляющую, прозападные настроения и вместе с тем настороженное – или даже явно негативное – отношение к России. Наконец, для третьего типа (характерного в первую очередь для жителей Киева) ориентации прочно связаны с идеологией украинской независимости, но скорее в ее государственно-бюрократических, конъюнктурных аспектах, лишенных заметной этнической окраски.

В целом же наличие глубокой, хотя и латентной, политизации украинского социума, свидетельствующей о накапливающемся в нем недовольстве утвердившейся в стране системой, сочеталось с декларативной поддержкой институциональных форм демократии в качестве стратегического выбора украинского общества. Об этом, в частности, свидетельствуют данные сравнительного международного исследования "Укрепление демократии в Центральной и Восточной Европе" (1999–2000 гг.)⁶.

Так, для абсолютного большинства украинских граждан демократия подразумевает многопартийность (51%), а также право граждан на участие в делах государства и общества (57%). Почти так же прочно с понятием "демократия" в сознании жителей постсоветской Украины связывались политические свободы: свобода слова, свобода собраний и т. п. Эти представления о "демократии", несмотря на десятилетний опыт реформ, окрашены в романтические тона. Так, свыше 50% жителей Украины убеждены, что демократия несет с собой улучшение экономических условий жизни и увеличение числа рабочих мест. Более того, у 45% жителей Украины демократия ассоциировалась с ростом социального равенства, у 42% – с сокращением масштабов коррупции и теневых отношений.

Согласно данным того же исследования, большинство жителей Украины – 66% – в первую очередь связывают с понятием "демократия" "равенство граждан перед законом". Столь высокая степень актуализации проблемы правового равенства на Украине объясняется, скорее всего, глубокой неудовлетворенностью граждан положением дел, сложившимся в названной сфере. Лишь 7% украинцев считают, что в их стране так или иначе соблюдаются права человека, тогда как 52% полагают, что они не соблюдаются вовсе.

⁶ Укрепление демократии в Центральной и Восточной Европе (1999 – 2000 гг.). // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2001. № 1. С. 91-94.

Неудовлетворенность сегодняшним функционированием демократических институтов прослеживается по ряду позиций. Всего 35% жителей Украины видят в демократии оптимальную форму государственного устройства (для сравнения, в Польше таковых – 52%). Показательно, что при переносе акцента с абстрактной "демократии" на ее воплощение в данной конкретной стране доля считающих существующее политическое устройство Украины наилучшим, равна всего 6% (в Венгрии, например, аналогичный показатель равен 66%). При этом доля убежденных в наличии более совершенных форм государственного устройства среди граждан Украины составила 61%.

В чем же заключался выбор украинского большинства в 1999 – 2000 гг.? Ограничивалось ли массовое разочарование в демократии рамками сложившегося на Украине политического режима или же включало в себя общее отрицание демократии как институционального и ценностного фундамента общества?

На этот вопрос вряд ли можно найти однозначный ответ. С одной стороны, в украинском обществе в значительной степени сохранялись базовые ценности прежнего строя. Так, 57% жителей Украины полагали, что "коммунизм – это хорошая идея, которую просто плохо претворили в жизнь" (впрочем, и в Венгрии подобное мнение разделяли 66% граждан). С другой стороны, заново осваиваемые постсоветской Украиной институты современной демократии отнюдь не вызывали отторжения на массовом уровне.

Например, подавляющее большинство жителей Украины (67%) не сомневались, что свободные выборы – лучший способ формирования политического руководства, а половина (50%) – что наличие парламента необходимо для политического благополучия страны (обойтись без него полагали возможным лишь 29%). Эти данные указывают на значимость для украинского общества новых политических институтов. Одновременно в украинском обществе сохранялось устойчивое (и легко объяснимое) убеждение, что процесс утверждения демократии будет сопровождаться серьезными трудностями (в этом были уверены 73% жителей Украины).

В качестве примера, проясняющего особенности осмысления массовым сознанием на Украине проблем и противоречий, связанных с освоением новых демократических институтов, рассмотрим, как, имея за плечами опыт учредительных выборов и по крайней мере двух электоральных циклов, граждане Украины оценивали роль политических партий. По мнению почти половины жителей Украины (47%), политические партии – необходимое условие развития демократии. Их значимость в массовом сознании определяется, прежде всего, тем, что они дают возможность рядовым гражданам участвовать в политическом процессе (таково мнение 52% респондентов). В то же время 66% считали, что политические партии служат только интересам своих лидеров. Эти цифры, безусловно, указывают на существовавшую накануне 2002 г. неудовлетворенность украинских граждан реальным состоянием данных институтов, причем именно с точки зрения их соответствия функциям агрегации и представительства интересов общества.

Одной из важнейших причин недовольства жителей Украины качеством происходящих преобразований является, вне сомнения, сопутствовавшее им падение уровня жизни населения. Лишь 8% респондентов считали, что происходящее у них в стране отвечает интересам большинства, тогда как 76% полагали, что оно исключительно на руку небольшой группе людей, озабоченных собственным благосостоянием. Аналогичным образом, только 23% верили в то, что "свободная рыночная экономика" принесет пользу стране, а 57% придерживались противоположного мнения. Что касается "капиталистической экономики, основанной на частном предпринимательстве", то 26% жителей Украины усматривали в ней наилучшую для их страны экономическую систему, а треть опрошенных (32%) оспаривали данное утверждение. Отметим, что, в отличие от Украины, баланс симпатий и антипатий к капиталистической экономике и частному предпринимательству не был отрицательным ни в одной из стран Восточной Европы, в которых проводился опрос (включая Белоруссию). Существенная часть украинского общества (58%) сохраняла позитивный настрой по отношению к реформам и сетовала на слишком медленные темпы их проведения. Иными словами, недовольство вызывал затянувшийся переходный период, который хотелось бы пройти по возможности скорее. При этом у подавляющего большинства населения не возникало сомнений, что назад дороги нет.

Отметим еще один момент, связанный с отношением Украины к прежнему союзному государству (принципиально отличающий ее от России). Приведем сравнительные данные ответов российских и украинских респондентов на вопрос, должна ли их страна идти тем же путем, что и западные страны. Если на Украине на этот вопрос отвечали утвердительно 45% опрошенных, то в России – всего лишь 25% (в Белоруссии – 40%, в Польше – 81%, в Венгрии – 88%). Отрицательные ответы дали 23% граждан Украины и 48% россиян. Ориентированность на особый, незападный путь развития – наиболее характерная черта российского массового сознания – присутствует и в украинском массовом сознании, но, очевидно, не играет в нем столь существенной роли.

В целом можно констатировать, что ключевая дилемма массового сознания граждан Украины определяется геополитическим положением данной страны, оказавшейся на цивилизационном разломе и вынужденной выбирать между прозападной и пророссийской идентичностью. Этот выбор для Украины не отягощен грузом "имперской миссии", но для его осуществления требуется распутать (или разрубить) узел проблем и противоречий самосозидания нации в условиях глубочайшего экономического и социального кризиса.

4.2. Цивилизационный выбор и проблема идентичности

Проблема обретения национальной идентичности является одной из краеугольных проблем государственного становления Украины. Специфику ценностного и национально-политического самоопределения украинцев можно проиллюстрировать данными, характеризующими представления украинцев о том, как должны складываться отношения между Россией и Украиной (см. *табл. 1*).

**Представления жителей Украины о желательной форме отношений
между Украиной и Россией (в %)**

Какими бы Вы хотели видеть отношения России и Украины?	Сентябрь 2003
Такими же, как с другими странами	11
Как у двух независимых государств, но с открытой границей, без виз и таможен	59
Россия и Украина должны объединиться в одно государство	25
Затрудняюсь ответить	4

Источник: <http://www.analitik.org.ua/researches/archives/3dee44d0/3f8ab63fad202/>

Как нетрудно заметить, население Украины в большинстве склоняется к компромиссу, позволяющему сочетать ценности суверенной государственности с максимально открытым взаимодействием с Россией. В 2003 году за отказ от государственной независимости и возврат к единому государству высказались лишь четверть жителей Украины. При этом с мая 1994 г. по ноябрь 2002 г. доля сторонников объединения с Россией сократилась с 35% до 20%, а доля приверженцев компромиссного решения ("Украина и Россия должны быть независимыми, но дружественными государствами – с открытыми границами, без виз и таможен") выросла с 50% до 64%⁷. Однако, как показывают приведенные в *табл. 1* данные, в 2003 г. этот тренд оказался прерван.

Вместе с тем, в динамике массовых настроений к 2004 году все более отчетливо просматривалась неудовлетворенность многолетним курсом на дистанцирование от России. Налицо была определенная "усталость" украинского общества от имитации европейской идентичности, обусловленная не только социокультурными барьерами на пути обретения последней, но и глубокой экономической зависимостью Украины от России, ее теснейшими связями с восточным соседом.

Первое десятилетие с момента обретения Украиной независимости не смогло разрешить вопрос о формировании собственной национальной идентичности. Не было найдено конструктивного решения проблемы национального самоопределения, геополитического позиционирования украинского государства. Более того, к началу XXI в. вместо вождельного "патриотического консенсуса" (термин, введенный украинским исследователем А.К.Толпыго⁸) на Украине сформировался фундаментальный раскол, разделивший общество на тех, кто по-прежнему ощущает своей страной СССР (32%), тех, кто, напротив, более или менее последовательно ориентирован на независимую Украину (45%), и тех, кто разрывается между "прошлым" и "настоящим" (18%), считая своими и СССР, и независимую Украину⁹.

Проблема ценностного и политического самоопределения оказывалась для респондентов особенно сложной в случае, когда ключевые ориентиры национально-государственного позиционирования Украины – Россия и Запад – предъявлялись им как

⁷ См.: <http://www.kiis.com.ua/130303/main.html>

⁸ Толпыго А.К. Интерпретация украинских президентских выборов 1999 г. // *Полис*. 1999. № 6. С. 134.

⁹ *Украина. Поле мнений*. 2001. № 013. С. 60.

взаимоисключающие (что проявлялось в росте числа затрудняющихся с ответом). Напротив, появление позиции "совместное движение Украины и России в Европу" существенно облегчало выбор респондента (см. табл. 2).

Таблица 2

Внешнеполитические ориентиры украинского общества (в %)

Должна ли Украина двигаться в ЕС независимо от России или же им следует объединить свои усилия и прокладывать свой путь в ЕС вместе?	
Безусловно независимо от России	18
Скорее независимо от России	11
Скорее совместное продвижение	27
Безусловно совместное продвижение	18
Ни тот, ни другой вариант	8
Затрудняюсь ответить	18
К чему в первую очередь должна стремиться Украина во внешней политике?	
Присоединиться к союзу России и Белоруссии	38
Стать членом Европейского Союза	19
Стать членом Конфедерации "Большой Европы", которая объединяла бы Украину как со странами ЕС, так и с Россией	18
Не вступать ни в какие союзы, сохранять свой нейтралитет	12
Стать полноправным членом НАТО и стратегическим союзником США	5
Затрудняюсь ответить	8
На сближение с какими странами должно ориентироваться руководство Украины?	
Исключительно с Россией	15
Скорее с Россией, чем с Западом	17
В равной мере и с Россией и с Западом	45
Скорее с Западом, чем с Россией	8
Исключительно с Западом	5
Ни с Россией, ни с Западом	4
Затрудняюсь ответить	6

Источник: Украина. Поле мнений. 2001. № 003. С. 52-53.

Как показывают данные, приведенные в табл. 2, в 2001 г. союз с Россией и Белоруссией в целом был более привлекателен для жителей Украины, чем союз с Европой. Однако самой популярной политической стратегией являлось одновременное сближение и с Россией, и с Западом (45% – за совместное с Россией продвижение в Европу и 45% – за одновременную ориентацию и на Россию и на Запад). Подобная стратегия выглядела более предпочтительной, чем сближение с Россией (32%) или с Западом (13%).

Компромисс был тем более предпочтительным, чем более понятной и стратегически безопасной казалась респонденту выбранная им позиция. Напротив, углублявшаяся по мере приближения парламентских выборов партийно-политическая поляризация украинского электората все более четко проявляла его социокультурные, ценностные,

геополитические ориентации, и, соответственно, сужала пространство для социально-политического компромисса. Неудивительно, что основной тренд всего предвыборного полугодия был связан с усилением веса сторонников однозначных решений в ущерб более осторожным и неоднозначным стратегиям (см. табл. 3).

Таблица 3

Динамика социокультурных ориентаций украинских избирателей в ходе парламентской предвыборной кампании 2001–2002 гг. (в %)

В каком союзе государств было бы лучше жить народу Украины – в Европейском Союзе или в союзе с Россией и Белоруссией?	Сентябрь 2001 г.	Ноябрь 2001 г.	Декабрь 2001 г.	Февраль 2002 г.
Безусловно в Европейском Союзе	17	17	18	20
Скорее в Европейском Союзе	21	17	16	15
Скорее в союзе с Россией и Белоруссией	30	29	27	23
Безусловно в союзе с Россией и Белоруссией	18	26	28	32
Затрудняюсь ответить	13	12	11	11

Источник: Украина. Поле мнений. 2001. № 003. С. 52; № 009. С. 75; 2002. № 023. С. 87.; 2002. № 20 с.31.

Более детальную градацию ориентаций украинцев можно выявить путем комбинации ответов на два вопроса: "На сближение с Россией или с Западом должно ориентироваться руководство Украины?" и "В каком союзе государств было бы лучше жить народу Украины – в Европейском Союзе или в союзе с Россией и Белоруссией?". Состав и наполнение сформированных таким способом групп представлены в табл. 4.

Таблица 4

Типологизация основных социокультурных ориентаций украинских избирателей в ходе парламентской предвыборной кампании 2001 – 2002 гг.

Ориентирующиеся...	Состав группы	Доля в составе населения (в %)
исключительно на Россию	ответившие "исключительно с Россией" на 1-й вопрос и "безусловно в Союзе с Россией и Белоруссией" или "скорее в Союзе с Россией и Белоруссией" на 2-й вопрос;	25
скорее на Россию	ответившие "скорее с Россией, чем с Западом" на 1-й вопрос и "безусловно в Союзе с Россией и Белоруссией" или "скорее в Союзе с Россией и Белоруссией" на 2-й вопрос;	11
"на ностальгический паритет"	ответившие "в равной мере и с Россией, и с Западом" на 1-й вопрос и "безусловно в Союзе с Россией и Белоруссией" или "скорее в Союзе с Россией и Белоруссией" на 2-й вопрос;	16
"на реалистический паритет"	ответившие "в равной мере и с Россией, и с Западом" на 1-й вопрос и "безусловно в Европейском Союзе" или "скорее в Европейском Союзе" на 2-й вопрос;	18

Ориентирующиеся...	Состав группы	Доля в составе населения (в %)
<i>последовательно на Запад</i>	ответившие "скорее с Западом, чем с Россией" или "исключительно с Западом" на 1-й вопрос и "безусловно в Европейском Союзе" или "скорее в Европейском Союзе" на 2-й вопрос;	11
<i>на самостоятельное развитие</i>	ответившие "ни с Россией, ни с Западом" на 1-й вопрос;	3
<i>прочие</i>	все прочие, чьи ответы на эти два вопроса были неопределенны или явно противоречили один другому.	16

Этот способ дифференциации электората на основе его собственных политических и культурных предпочтений позволяет выявить, помимо хорошо описанных и изученных пророссийской, прозападной и пронационалистической групп, ранее не исследованные группы "ностальгически" или "реалистически" ориентированные на компромисс между Россией и Западом (рис. 2). В совокупности они составляют свыше трети (34%) украинского населения и до 39% активного электората. Именно здесь сосредоточен потенциал социо-культурной динамики ориентаций и предпочтений массовых настроений в украинском обществе.

Для обеих этих групп равно значимы отношения Украины как с Россией, так и с Западом. Однако для первых более важными оказываются соображения прагматизма и перспективы интеграции в мировую экономику (сближение с ЕС), а для вторых, – своего рода "ретроспективная память" о союзном прошлом, о времени, когда "всем спокойно и хорошо жилось вместе".

Эти две группы достаточно четко формулируют запросы на правоцентристский и левоцентристский сегменты электорального спектра. До парламентской кампании 2001-2002 гг. запросы правоцентристского сегмента не находили адекватного предложения со стороны украинских политиков, и потому всякий раз голоса правых центристов "распылялись" в поисках соответствующего их настроениям политического актора. В ходе кампании 2001-2002 гг. ситуация радикально изменилась. Возникший блок "Наша Украина" достаточно точно соответствовал ожиданиям электоральных групп правоцентристской ориентации.

**Основные социокультурные ориентации украинских респондентов
в канун парламентских выборов 2002 г.**

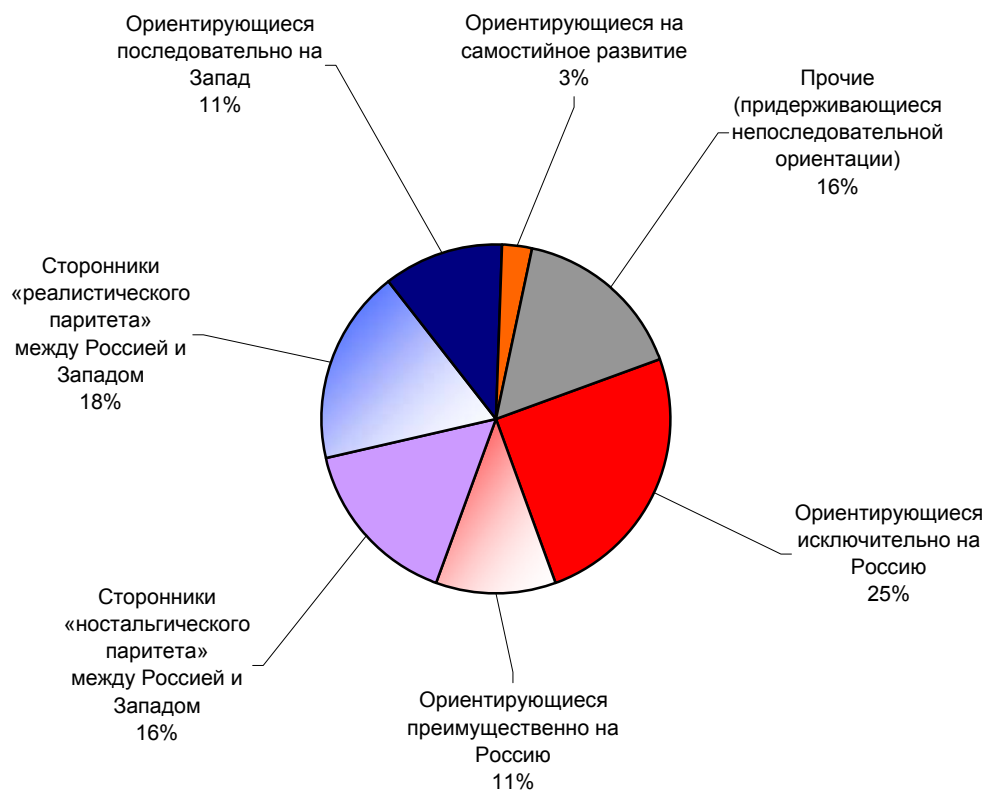

рис. 2

Обратим внимание на относительно немногочисленную группу "самостийщиков", т. е. тех, кто полагает, что политически Украина не должна сближаться ни с Россией, ни с Западом. Отметим, что, вопреки ожиданиям, те, кто входил в эту группу (в целом занимающую умеренно-центристские позиции), ориентировались в тот период не столько на правый блок В. Ющенко ("Наша Украина"), сколько на центристские партии (СДПУ(о), "Батькивщина", ПЗУ), а соответствующий электоральный запрос по-прежнему оставался распыленным, не находя концентрированного политического предложения, способного его интегрировать.

Генезис новой украинской государственности, обусловленный разрушением связей между республиками бывшего СССР, предопределил первоначальный вектор украинских внешнеполитических ориентаций – от Востока (России) к Западу (Европе и Америке). Украина в определенной мере оказалась в плену представлений, связанных с ее особым геополитическим положением "между Россией и Европой". В украинской геополитике, как на уровне массового сознания, так и на уровне принятия государственных решений, сохраняется инерция первоначального импульса к освобождению от "имперского диктата Москвы" (формулировка идеологов украинского национализма), смешанная с патерналистски окрашенными ожиданиями стратегической помощи Запада в обретении Украиной европейской идентичности. В то же время более взвешенные, компромиссные стратегии формирования национальных приоритетов, ориентированные на использование ресурсов геостратегического положения Украины, были и остаются реально востребованы лишь в сферах политического регулирования взаимоотношений вокруг газового и нефтяного транзита.

Проблема модернизации украинских национальных геостратегических приоритетов, преодоления прежней бинарной логики самоидентификации в координатах Запад – Восток на определенных этапах решалась путем рассмотрения более многозначных вариантов геостратегического позиционирования. Эти варианты учитывали либо цивилизационные факторы (апеллирующие к ценностям, традиции и культуре т. н. "славянского мира", к идеям "восточнославянского братства" или евразийской суперэтнической общности), либо перспективы панъевропейской интеграции, предполагающей согласованное продвижение Украины и России в Европу. Сегодня такого рода возможности, несмотря на неблагоприятную политическую конъюнктуру, остаются открытыми, исходя из анализа устойчивых ориентаций массового сознания.

Вновь обратимся к данным общеукраинских опросов 2001 г. Позиционируя себя в рамках бинарной оппозиции "Запад – Восток", украинское общество в целом полагало предпочтительной ориентацию на партнерские отношения с Россией (64%). Приоритет партнерству с Западом отдавали лишь 26% респондентов (22% – странам ЕС и 4% – США). Пророссийская ориентация преобладала над прозападной во всех основных социально-демографических группах украинского общества. Тем не менее, следует отметить, что прозападные ориентации были наиболее сильны в группах с самым высоким адаптационным потенциалом: среди молодежи (от 18 до 35 лет) – 37% и среди лиц с высшим образованием – 39%. Напротив, пророссийские ориентации достигали максимума в группах с пониженным адаптационным потенциалом, для которых

характерны патерналистские настроения, среди лиц пожилого возраста (старше 50 лет) – 74% и лиц с образованием ниже среднего – 72%.

Подчеркнем, что утверждение об относительной однородности украинского общества по вопросу о приоритетах геостратегического партнерства и в 2001 г. было бы принципиально ошибочным. Наиболее существенным фактором, дифференцирующим ориентации респондентов, явилась их принадлежность к той или иной макрорегиональной общности. Наиболее сильны пророссийские настроения в 2001 г. были, разумеется, на *востоке* – в Донецкой и Луганской областях (84%), а также на *юге, юго-востоке и северо-востоке* (78%, 75% и 72%, соответственно). На *западе* Украины, в Галиции и Закарпатье, этот показатель, наоборот, был равен 22%. В западно-украинских регионах доминировали, безусловно, прозападные настроения: за приоритетное сотрудничество с Западом там высказались 68% опрошенных, из них 57% отдавали приоритет партнерству со странам ЕС, и еще 11% – с США¹⁰.

Этот раскол украинской нации предопределяет драматическую перспективу развития страны в рамках двухполюсной геостратегической парадигмы. В качестве более приемлемой для жителей Украины, судя по результатам опросов, представляет концепция т. н. "славянского мира". Не обсуждая конструктивность и практичность этой концепции самой по себе, отметим очевидный, хотя, по-видимому, чисто декларативный, потенциал славянской идентификации. Заметим, что здесь "работают" в значительной степени культурные, а не геостратегические ориентации.

В целом 88% украинских респондентов принимали такой способ самоидентификации (в т. ч. 71% – безусловно считали себя славянами и 17% – с некоторыми колебаниями). Наиболее единодушны в этом отношении группы с наибольшими социальными ресурсами: лица с высшим образованием (93%, из них 81% – безусловно славяне и 12% – с колебаниями), жители крупных городов (91%, в т.ч. 78% – безусловно славяне и 13% – с колебаниями), представители средней возрастной группы (89%, в т. ч. 75% – безусловно славяне и 14% – с колебаниями). Макрорегиональная дифференциация (практически единичный случай) по этому вопросу почти не ощущалась: 91% в *центральной* макрорегионе, 94% – в Киеве, до 86% – на *западе и северо-западе* и 81% – на *юге*.

Практически такой же симпатией пользуются на Украине темы, связанные со сближением с другими славянскими народами¹¹. Из списка, где были перечислены все славянские народы, обладающие сегодня государственным суверенитетом, наиболее близкими украинские респонденты признавали русских (в целом – 85%, максимальная макрорегиональная дифференциация: 64% в *западном* макрорегионе и 92-93% на *востоке и северо-востоке*) и белорусов (в среднем – 77%, максимальная макрорегиональная дифференциация: 62% – 84%). Далее по степени близости с большим отрывом следовали поляки (28%), болгары (19%), словаки (18%) и чехи (12%). Все прочие

¹⁰ Украина. Поле мнений. 2001. № 002. С. 6.

¹¹ Отчасти этот же фактор "работает" на распространенность ориентаций и на "ностальгический" и на "реалистический" паритеты (см. табл. 4).

славянские народы признавали близкими украинскому менее чем 10% жителей Украины¹².

Эти культурно обусловленные декларации украинским обществом чувства "славянского братства" проявлялись и в готовности устанавливать со славянскими странами особые, более тесные отношения. Одобрить такую политику готово в целом 93% респондентов, в т.ч. 71% – безусловно и 22% – с некоторыми колебаниями, – при минимальных межгрупповых и достаточно умеренных межрегиональных различиях. Политики, готовые проводить курс на политическое сближение и экономическую интеграцию славянских государств, пользуются заметной поддержкой украинцев. В целом о такой поддержке заявляют 85% опрошенных, в т.ч. 66% – о безусловной и 19% – с некоторыми колебаниями. В макрорегиональном аспекте эта поддержка максимальна на *северо-востоке* – 93%, но значительна она и на *западе* – 69%.

И все же геостратегические ориентации оказываются сильнее социокультурных. Иллюстрацией этого могут служить результаты общеукраинских опросов, проведенных осенью 2001 г., в ходе которых респондентам предлагалось четыре варианта стратегического выбора между Россией и Западом (см. *табл. 5*):

- а) "В каком союзе государств было бы лучше жить народу Украины – в Европейском Союзе или в союзе с Россией и Белоруссией?";
- б) "К чему в первую очередь должна стремиться Украина во внешней политике?";
- в) "Должна ли Украина двигаться в ЕС независимо от России или же им следует объединить свои усилия и прокладывать свой путь в ЕС вместе?";
- г) "На сближение с какими странами должно ориентироваться руководство Украины?".

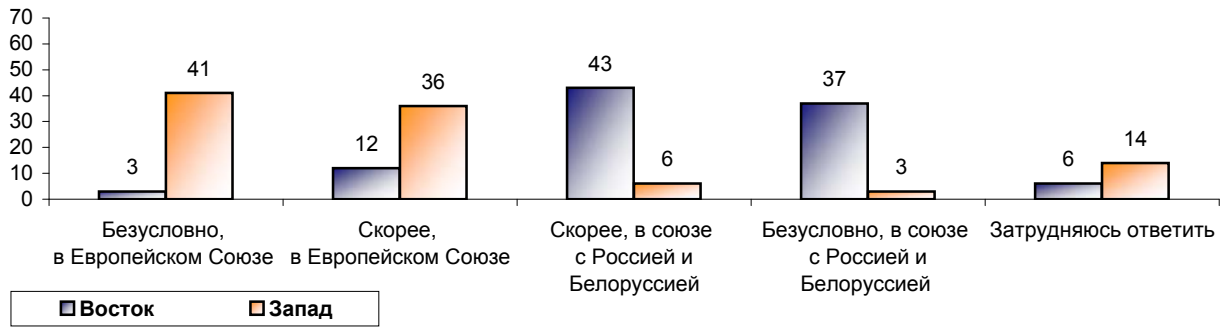
Во всех четырех случаях ориентация на совместные действия (или даже на союз) с Россией в целом по Украине преобладала над прозападной ориентацией. Ярче всего эта тенденция проявилась в ответах жителей *юга* и *востока* Украины. А вот в западно-украинских областях, напротив, преобладающее большинство ориентировалось на Запад и Европу (см. *рис. 3*).

Следует отметить, что когда у украинских респондентов была возможность выбрать компромиссный вариант, допускающий одновременно солидарность и с Россией, и с Западом (Евросоюзом), то этот вариант оказывался тем более предпочтительным, чем более недвусмысленной была его формулировка. Вариант ответа "в равной степени и с Россией и с Западом", назвали почти половина жителей Украины (45%). Этот вариант выбрал каждый третий опрошенный (34%) на *западе* страны. Возможности, заложенные в ориентации на одновременное политическое и социально-экономическое сближение и с Россией, и с Европой, отвергающее популярную стратегию "игры на противоречиях России и Запада", явно были не использованы украинской политической элитой, что внесло свою лепту в политический кризис осенью 2004 года.

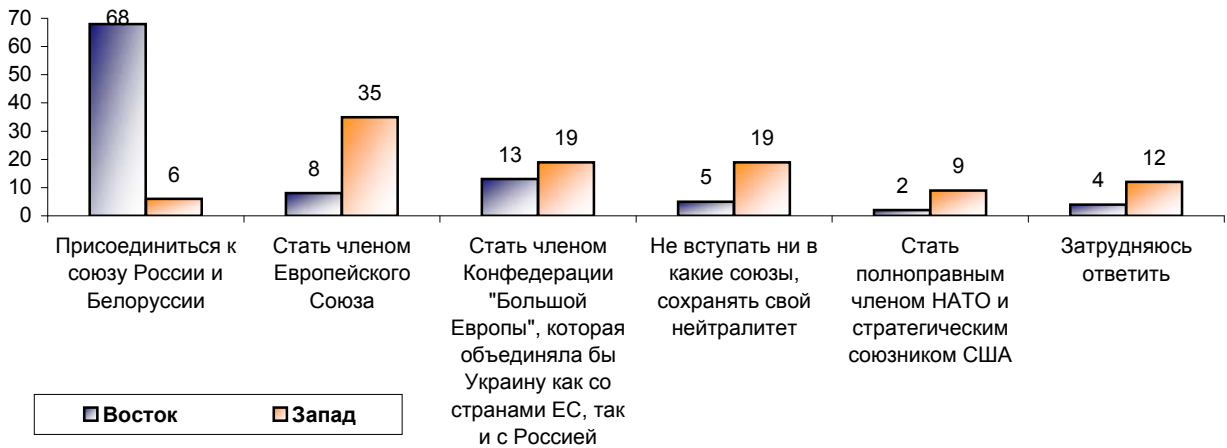
¹² Украина. Поле мнений. 2001. № 002. С. 7-8.

Внешиполитические ориентиры жителей Востока и Запада Украины

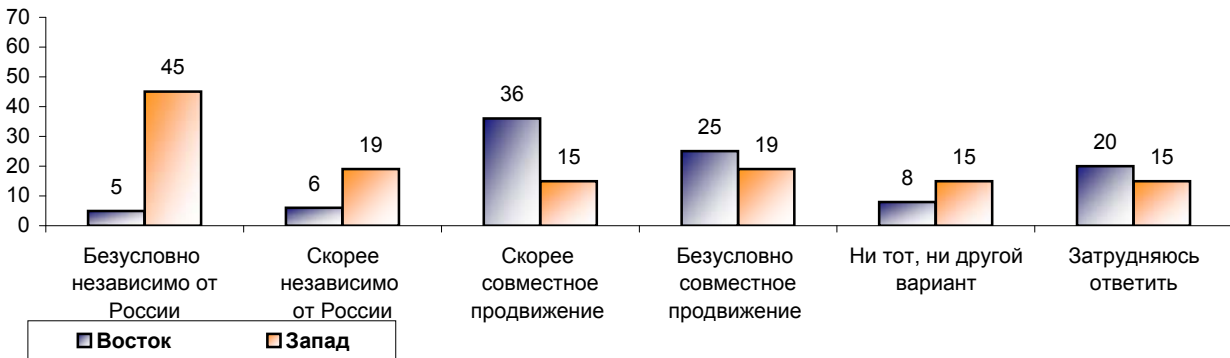
«В каком союзе государств было бы лучше жить народу Украины – в Европейском Союзе или в союзе с Россией и Белоруссией?»

К чему в первую очередь должна стремиться Украина во внешней политике?

Должна ли Украина двигаться в ЕС независимо от России или же им следует объединить свои усилия и прокладывать свой путь в ЕС вместе?

На сближение с какими странами должно ориентироваться руководство Украины?

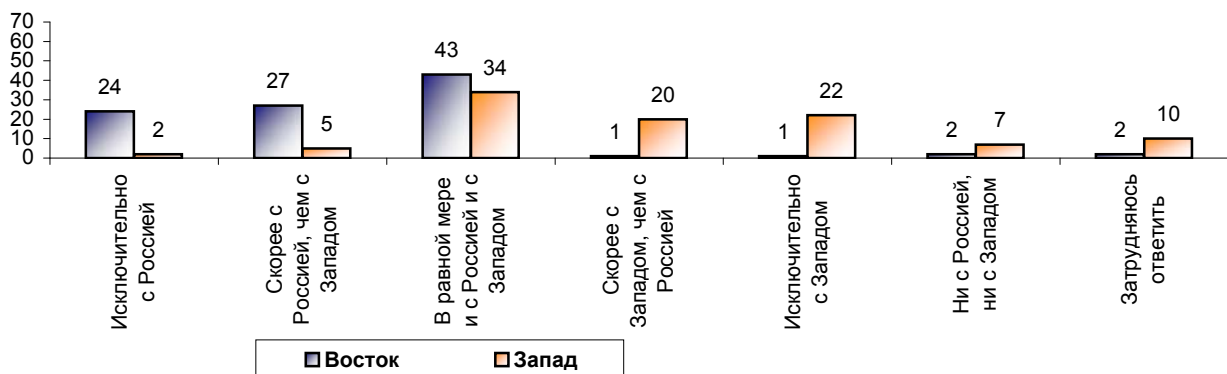

рис. 3

Таблица 5

Внешнеполитические ориентиры украинского общества (в %)

	В целом по Украине	Макрорегионы Украины						
		Восток	Юг	Юго-восток	Северо-восток	Центр	Северо-запад	Запад
В каком союзе государств было бы лучше жить народу Украины – в Европейском Союзе или в союзе с Россией и Белоруссией?								
Безусловно в Европейском Союзе	17	3	10	14	11	26	12	41
Скорее в Европейском Союзе	21	12	11	24	14	24	24	36
Скорее в союзе с Россией и Белоруссией	30	43	37	40	38	22	28	6
Безусловно в союзе с Россией и Белоруссией	18	37	25	15	28	14	10	3
Затрудняюсь ответить	13	6	16	7	9	14	25	14
К чему в первую очередь должна стремиться Украина во внешней политике?								
Присоединиться к союзу России и Белоруссии	38	68	53	42	47	26	30	6
Стать членом Европейского Союза	19	8	14	14	13	23	24	35
Стать членом Конфедерации "Большой Европы", которая объединяла бы Украину как со странами ЕС, так и с Россией	18	13	14	26	16	20	15	19
Не вступать ни в какие союзы, сохранять свой нейтралитет	12	5	10	9	16	14	10	19
Стать полноправным членом НАТО и стратегическим союзником США	5	2	2	5	4	8	6	9
Затрудняюсь ответить	8	4	8	3	4	9	16	12
Должна ли Украина двигаться в ЕС независимо от России или же им следует объединить свои усилия и прокладывать свой путь в ЕС вместе?								
Безусловно независимо от России	18	5	10	12	16	19	15	45
Скорее независимо от России	11	6	11	9	7	13	13	19
Скорее совместное продвижение	27	36	30	40	25	30	14	15
Безусловно совместное продвижение	18	25	18	26	25	19	11	19
Ни тот, ни другой вариант	8	8	10	7	13	5	9	15
Затрудняюсь ответить	18	20	21	6	14	14	38	15
На сближение с какими странами должно ориентироваться руководство Украины?								
Исключительно с Россией	15	24	21	16	23	11	9	2
Скорее с Россией, чем с Западом	17	27	20	18	17	12	20	5
В равной мере и с Россией и с Западом	45	43	42	53	52	54	38	34
Скорее с Западом, чем с Россией	8	1	5	6	3	7	13	20
Исключительно с Западом	5	1	1	4	1	4	3	22
Ни с Россией, ни с Западом	4	2	5	2	4	4	6	7
Затрудняюсь ответить	6	2	6	1	2	9	11	10

Источник: Украина. Поле мнений. 2001. № 003. С. 47-50.

4.3. Российско-украинские межгосударственные отношения

Десятилетие отношений между независимыми Украиной и Россией (как на межгосударственном уровне, так и на уровне "бытовом") зачастую омрачалось советско-имперскими аллюзиями, с одной стороны, фантомами и страхами "великодержавных притязаний" и националистического радикализма, – с другой. Все это так или иначе влияло на массовое сознание.

Во второй половине 2001 г. при упоминании о России житель Украины чаще всего (25%) ностальгически вспоминал прежнюю жизнь в едином союзном государстве. Почти столь же часто (18%) Россия (СССР) воспринималась им как утраченная Родина, желанное место, куда хотелось бы вернуться. Но и среди тех, для кого Россия и Украина – самостоятельные независимые государства со своими особыми историческими судьбами, позитивное отношение к России (14% от всего украинского населения) превалировало над негативным (7%). Наконец, значительная часть респондентов избегала оценочных суждений о России, либо ограничиваясь вполне объективными констатациями (16%): "северный сосед", "славянский народ", "ближнее зарубежье", "большая сильная страна", "более высокий уровень жизни", – либо проявляя полное равнодушие к данной теме (20%).

Интенсивные коммуникационные, миграционные, экономические связи Украины с Россией и по сей день остаются ключевым фактором украинской общественной жизни. Российские СМИ ежедневно смотрит, слушает или читает значительная часть жителей Украины, устойчиво сохраняя высокую степень доверия к ним. Большинство украинских граждан имеют родственников, друзей, хороших знакомых в России (на востоке и юге – свыше 75%).

Подобные констатации проявлялись и в структуре ответов украинских граждан на открытые вопросы о том, что на Украине лучше, а что хуже по сравнению с Россией. Лучшим, как правило, признавались человеческие качества украинцев: трудолюбивые, добрые, радушные; а также климат и перспективы развития страны. Худшим – реальные жизненные обстоятельства и социально-экономическая ситуация: нищета, безденежье, безработица, экономический кризис.

Конфликтное поле, формируемое объективно присутствующим в украинской жизни "фактором России", с одной стороны, и тяготением существенной части украинского общества к новой "национальной идентичности", – с другой, определяет ряд особенностей отношения украинского массового сознания к России. Так, сопоставление ответов респондентов об их личном отношении к России и о том, как они оценивают отношение окружающих их людей к России, обнаруживает, что украинское общество относится к России существенно лучше, чем полагают сами украинцы. Так, 61% гра-

ждан Украины относились к России определенно положительно, тогда как согласиться с тем, что большинство жителей Украины относятся к России определенно положительно, сочли возможным лишь 38% опрошенных. Фактически мы имеем дело с представлениями о нормативном отторжении любого российского влияния. При этом следует заметить, что в самом себе среднестатистический житель Украины не находит достаточных поводов для отторжения и неприятия России.

Отголоски этих нормативных представлений, а также представлений о большей развитости России проявляются и в том, что украинские граждане дают существенно заниженную оценку тому, как россияне относятся к Украине.

Вместе с тем культурная близость наших стран и народов имеет шанс выступить основой для лучшего взаимопонимания и более эффективного взаимодействия России и Украины.

В числе наиболее важных результатов исследований ФОМ 2001-2002 гг. следует отметить склонность украинского населения вообще не разделять русский и украинский народы: 40% украинских респондентов полагали, что "это безусловно один народ". Заметно дифференцирует ответы на этот вопрос возрастной фактор, который, однако, обуславливает весьма умеренный разброс значений – от 34% для молодежи до 45% для пожилых людей¹³. Сильнее разброс ответов в зависимости от предпочтительного языка общения (так полагали 46% тех, кому легче говорить по-русски, и 31% тех, кому легче говорить по-украински). Наиболее сильными оказывались макрорегиональные различия (от 61% на *северо-востоке* до 14% на *западе* Украины).

Следует отметить, что в целом по Украине 31% респондентов склонны были считать, что "русские и украинцы скорее один народ", 14% полагали, что это скорее разные народы, и лишь 12% украинского населения считали русских и украинцев определенно разными народами. *Западный* макрорегион – единственный в стране, где баланс мнений по данному вопросу склоняется в пользу различий (54%), а не общности (41%) двух народов. К примеру, на *востоке* Украины этот баланс составляет 14% к 81%, а на *юге* – 18% к 81%.

Чувство общности украинского и русского народов подкрепляется и тем, что, как уже упоминалось выше, у подавляющего числа украинских граждан имеются родственники, друзья или хорошие знакомые в России. Количество друзей и родственников в России напрямую зависит от того, на каком языке, русском или украинском, говорит респондент. На осень 2001 г. друзья или знакомые в России были у подавляющего большинства (80%) русскоязычных граждан Украины и у половины (53%) украиноязычных. Еще более впечатляет региональная дифференциация: на *востоке* Украины друзья и родственники в России были у 74-78% опрошенных, тогда как на *западе* – только у 41%.

¹³ Вновь обратим внимание: чем моложе респонденты, тем больше они дистанцированы от общего "союзного" прошлого с Россией, тем меньше они склонны отождествлять Украину и Россию.

Вместе с тем, количественные показатели, характеризующие реальное общение украинских граждан с россиянами, значительно скромнее. Потенциал социокультурной общности русского и украинского народов мало востребован в реальной практике российско-украинских межгосударственных отношений.

4.4. Русский язык на Украине

Одним из наиболее наглядных показателей остроты проблемы национальной консолидации и самоопределения украинского государства остается отношение к государственному статусу русского языка. В течение длительного времени в украинском обществе в повседневной социально-политической практике бытует устойчивый раскол на тех, кто требует полного и последовательного устранения русского языка из официального общения на территории суверенной Украины, и тех, кто, напротив, требует для русского языка статуса второго государственного. Как показывают социологические опросы, первые видят в перспективе обретения русским языком статуса второго государственного недвусмысленное покушение на национальный суверенитет Украины. Вторые, напротив, расценивают отсутствие такой перспективы как прямое ущемление своих социальных и политических прав, дискриминацию по признаку этнокультурной принадлежности, несовместимую с принципами демократии.

При этом специфика современного украинского общества заключается в том, что подобного рода полярные позиции имеют четкое региональное распределение: в одних регионах подавляющее большинство придерживается первой из них, тогда как в других не менее внушительное большинство разделяет вторую (см. табл. 6).

Таблица 6

Позиции по вопросу о статусе русского языка на Украине (данные в %)

Какой должна быть государственная политика по отношению к русскому языку на Украине?	В целом по Украине	Макрорегионы Украины						
		Запад	Северо-запад	Центр	Северо-восток	Восток	Юго-восток	Юг
Нужно устранить русский язык из официального общения во всей Украине	15	55	19	13	6	1	4	5
Нужно сделать русский язык вторым официальным языком в тех областях, где большинство населения желает этого	40	28	59	44	35	28	54	28
Нужно сделать русский язык вторым государственным языком Украины	39	7	12	33	57	69	39	67
Другое	2	3	2	3	2	1	1	2
Затруднились ответить	4	7	8	7	2	0	2	3

Источник: Украина. Поле мнений. 2001. № 003. С. 67-68.

Данные всеукраинского опроса ФОМ, проведенного в начале сентября 2001 г., свидетельствуют о том, что подавляющее большинство украинских граждан считает необходимым придать русскому языку государственный статус (на общегосударственном или на региональном уровне). Сделать это на всей территории Украины полагали необходимым 39% украинского населения, причем доля сторонников такого решения составила 67-69% на юге и востоке и 12-7% на северо-западе и западе¹⁴. Еще 40% украинских граждан полагали, что русский язык должен стать вторым государственным в тех регионах, в которых высказывается за это большинство населения. Предпочтение такого варианта может интерпретироваться как вполне осознанный компромисс, основанный на практике двуязычия и межэтнической толерантности, свойственной областям Левобережной Украины и Нижнего Поднепровья. В какой мере значимы те или иные мотивы в реальности, мы попробуем ответить в ходе последующего анализа (см. главу 5).

Только 15% опрошенных выбрали бескомпромиссный вариант, предполагающий повсеместное устранение русского языка из официального общения (на западе их число составило 55%). Если рассматривать электоральные предпочтения противников официального обращения русского языка на Украине, то они еще в 2001 г. из всех политиков общенационального уровня выделяли В. Ющенко. Его рейтинг доверия в этой группе был равен 56%, что в 4-5 раз больше, чем у ближайших конкурентов, а его "президентский" рейтинг – 50%, то есть превосходил рейтинги ближайших конкурентов в 10-12 раз.

Между тем, судя по ответам украинских респондентов на один из "вводных" вопросов интервьюера: *"На каком языке Вам легче разговаривать: на украинском, на русском или Вам все равно?"*, русский язык на Украине (по крайней мере, на бытовом, повседневном уровне) распространен в той же мере, что и украинский. К примеру, в сентябре 2001 г. – 42%, в мае 2005 г. – 41% предпочитали отвечать на украинском, 39% и 48% соответственно – на русском, для 19% и 10% это было безразлично. В этой ситуации несообразность государственной дискриминации русского языка кажется просто очевидной.

4.5. Структурная модель геополитических ориентаций современной Украины

Проанализировать региональные особенности представлений граждан Украины позволяют данные всеукраинских опросов ФОМ, проводившиеся с августа 2001 г. по май 2005 г. На основе ряда субрегиональных особенностей можно описать дифференциацию социально-политических ориентаций украинцев в пространстве четырех "полюсов" (Киева, востока, юга и запада) и четырех переходных зон, где соответствующие "полярные" тенденции предстают в более или менее сглаженном виде. Ниже бу-

¹⁴ Обратим внимание, что позиция украинцев относительно статуса русского языка практически не подвержена политической конъюнктуре. Так, в декабре 2004 г., сразу после победы "оранжевой революции", за придание русскому языку статуса второго государственного языка выступали 44% респондентов.

дет кратко охарактеризована специфика социумов каждого из четырех макрорегионов Украины – присущие им тенденции социально-политического размежевания и приоритеты геостратегического позиционирования, социо- и этнокультурной идентификации.

1. **КИЕВ.** Для жителей Киева как столицы нового независимого государства характерно сочетание тяги к унитаризму, с одной стороны, и стремление дистанцироваться как от реальных соседей (России и Белоруссии), так и от любых субъектов потенциальной угрозы украинскому суверенитету, – с другой. Эти тенденции можно рассматривать как своего рода проявление идеологии "незалежности", усвоенной в данном случае не столько в качестве этнокультурной доминанты, сколько в качестве императива государственно-бюрократического строительства. В целом положение политического центра независимой Украины обязывает к национализму, но это национализм конъюнктурный. Он лишен ярко выраженной этнической составляющей и обусловлен скорее очевидными материальными преимуществами столицы постсоветского государства, по старой советской схеме продолжающей стягивать к себе основные ресурсные потоки страны. В политике киевляне в значительной степени ориентируются на центральную власть и патронируемые ею политические проекты, – причем не только на власть "формальную", но и на те околовластные группировки общенационального уровня, которые демонстрируют реальные претензии на политическую альтернативу. В стратегическом позиционировании киевляне значительно чаще, чем средний украинский гражданин, склоняются к прозападной ориентации. Напротив, идеи более тесного сближения со славянскими странами, с Россией и особенно с Белоруссией, имеют здесь заметно меньшую поддержку, чем по Украине в целом. В отношении к России киевляне проявляют сдержанность, сопоставимую разве что с позицией большинства жителей Западной Украины. При явной симпатии к России и русским (44% киевлян определенно считало украинцев и русских одним народом), ценность суверенного национального государства, безусловно, преобладает.

2. **ВОСТОК.** Являясь своеобразным индустриальным анклавом СССР в независимой Украине, украинский Донбасс оказался регионом в наибольшей степени неподготовленным к существованию в новых условиях. Несмотря на то, что по ресурсам, инфраструктуре, основным фондам этот регион опережает многие другие и служит ключевым источником пополнения государственного бюджета, он не может существовать без патерналистского внимания центра. Системная нестыковка советского индустриального комплекса с хозяйственной политикой и экономическими приоритетами нового государства предопределили как экономическое, так и социально-политическое и этнокультурное неблагополучие региона. Всесторонняя неудовлетворенность настоящим положением, воплощенная в устойчивой поддержке "непримиримых левых", сочетается с интенсивной вовлеченностью в общенациональный политический процесс в качестве основного ресурса всякой политической оппозиции. Многие особенности социально-политического поведения *востока* воспроизводятся и в *юго-восточном* макрорегионе (с индустриальными центрами Днепропетровска, Запорожья и др.), но здесь они в значительной мере смягчены за счет гораздо большей интегрированности в украинское общество (и в языковом, и в этнокультурном отношении). В политике *восток* – вотчина левых и одновременно – основной электоральный ресурс украинской "партии власти" (периода Л. Кучмы). Политики-демократы и партии де-

мократического толка, националистические или либеральные лозунги здесь непопулярны. В стратегическом позиционировании *восток*, по преимуществу, демонстрирует вполне традиционное для "советской ментальности" антизападничество. Так, почти половина жителей региона отдает предпочтение реинтеграции с Россией как альтернативе сближению с Западом.

3. **ЮГ.** *Южный* макрорегион демонстрирует принципиально иной (в сравнении с *востоком*) вариант "русскоязычной Украины". В отсутствии ярко выраженного "индустриального фактора" пророссийские симпатии, составляющие в регионе доминанту социально-политических настроений, более последовательны и в значительной мере лишены "оглядки" на интересы украинской государственности и претензий на участие в политической борьбе за определение существа этих государственных интересов. Альтернативой активному участию в общенациональном политическом процессе для *юга* служат скорее идеи политической автономизации и возможно большей эмансипации от контроля киевской бюрократии. Здесь в меньшей степени востребован патернализм, сильнее адаптация к переменам и нацеленность на воплощение личных перспектив. В политике для граждан *юга* Украины предпочтительны не столько силы коммунистической и социалистической ориентации, олицетворяющие единое с Россией союзное прошлое, сколько силы, олицетворяющие демократию в ее либерально-космополитическом, но не националистическом варианте. В этом отношении юг Украины символизирует своего рода поиск либерально-демократической альтернативы национализму украинского *запада*. В стратегическом позиционировании для *юга* характерен компромисс, предполагающий отсутствие конфликта между пророссийской и прозападной ориентациями. К сожалению, эта наиболее конструктивная позиция, ориентированная на неконфликтные стратегии сближения и с Россией, и с Европой, имеет малые шансы на успех, – в том числе и в силу пониженной мотивации политического участия граждан этого региона в общеукраинском политическом процессе. Поиск конструктивного разрешения исторического парадокса, суть которого в том, что русскоязычный *юг* стал частью украинского национального государства, мог бы стать продуктивным за счет модернизации и большей демократизации украинской политики, расширения прав и повышения самостоятельности региональных и местных органов власти, этнических и территориальных сообществ.

4. **ЗАПАД.** *Западный* макрорегион сам по себе представляет пестрый конгломерат достаточно разнородных этнокультурных, конфессиональных, геополитических и иных социальных сегментов и напластований. Вместе с тем именно *запад* Украины вплоть до 1991 г. сохранил традицию невосприимчивости советской ментальности и патерналистских настроений. Здесь в значительной степени сохранились культурные связи с восточноевропейскими соседями Украины, а также с североамериканской эмиграцией. Среди жителей *запада* наиболее ярко выражено чувство глубоко укорененного в сознании украинского национализма. Это единственный макрорегион, где идея повсеместного устранения русского языка из официального общения обретает большинство сторонников, где велик разрыв между рейтингами доверия к национальным и к российским СМИ. В политике предпочтения жителей *запада* отданы движениям и лидерам националистической ориентации: от умеренных центристов до национал-демократов. При этом характерна вполне прагматическая ориентация на киевских политиков прозападного, демократического толка. В частности, успех

В. Ющенко, получившего от большинства жителей Западной Украины недвусмысленную санкцию на общенациональное политическое лидерство, несмотря на свое "восточно-украинское" происхождение, был обусловлен тем, что он смог стать лидером, олицетворяющим идею украинской национальной консолидации. В стратегическом позиционировании населения *запада* превалирует ориентация на Европу, которая в определенном смысле рассматривается как гарант государственной независимости Украины. В силу того, что национализм украинского *запада* (в сравнении со столичным, киевским национализмом) практически лишен патерналистской составляющей, национальное государство рассматривается здесь прежде всего как гарант независимости, а не как социальный опекун. В отношении к России превалирует прохладный нейтралитет. Признание этнической и отчасти культурной общности украинского и русского народов – не столько как единого народа, сколько как двух братских славянских народов – сочетается с ясно выраженным нежеланием сближения на государственном уровне.

* * *

Национальное самоопределение Украины требует согласования идентичностей ее основных макрорегионов, а специфика региональных ментальностей задает скорее разновекторность политического процесса, наиболее рельефно проявленного в дихотомии *запада* и *востока* страны.

4.6. Особенности функционирования украинской политической системы

К 2001 году формирование новой политической и социокультурной идентичности граждан страны оказалось подчинено целям и задачам укрепления властных позиций "национал-коммунистической" киевской бюрократии в условиях формального доминирования демократических процедур (электоральная демократия, конституционность, многопартийность, регулярная переизбираемость верховной государственной власти и т. д.). В такой ситуации слабость институтов гражданского общества превратилась в решающий фактор внутренней политики. Отсутствие общественного контроля в сочетании с неподотчетностью чиновничества и практикой невмешательства государства в деятельность свободного рынка привели к системной слабости нового режима, тотальной деинституционализации массовых повседневных практик и разложению базовых механизмов социальной интеграции¹⁵.

Ключевым условием сохранения власти постсоветской бюрократии в данных обстоятельствах выступал ее контроль над процессами массовой электоральной мобилизации, особенно в период общенациональных выборов. Прагматическим решением этой задачи являлось лавирование между политическими запросами радикального национал-либерализма (обладавшего сильными позициями в *западной* и, отчасти, *центральной* Украине, а также в Киеве) и столь же радикального импер-социализма

¹⁵ Подробнее об этих процессах см.: Макеев С. Процессы социальной структуризации в современной Украине. // *Полис*. 1998. № 3. С. 51-52.

(юго-восток и, в какой-то мере, юг). Тот факт, что "имперско-социалистический" континуум в количественном отношении незначительно, но устойчиво преобладал над "национал-либеральным", определил наиболее эффективную "дуальную" политическую стратегию властной элиты Киева. На стадии предвыборной борьбы преимущественно демонстрировался "левый" популизм, позволяющий максимизировать электоральную поддержку режиму. Но он тут же преобразовывался в умеренный "национализм", когда требовалось "пресечь" претензии "импер-социалистического" электората на политические дивиденды за оказанные режиму услуги.

Эффективность сформировавшегося политического механизма особенно наглядно проявилась в период второго президентского срока Л. Кучмы. Несмотря на его перманентно низкий рейтинг (от 4% до 10%), киевская элита Украины сохраняла устойчивый контроль за ситуацией на электоральном поле посредством сдерживания как "импер-социалистических" устремлений украинских левых (политически расколотых между КПУ П. Симоненко, СПУ А. Мороза и ПСПУ Н. Витренко), так и "эксцессов" правого национализма. В этом особую роль сыграл политический проект "Наша Украина", сформированный и возглавленный В. Ющенко.

Другим эффективно используемым киевскими властями средством стало достижение консенсуса по проблеме конструирования национального государства. На ряд принципиальных вопросов политической жизни Украины фактически было наложено "табу", соблюдение которого требовалось от всех потенциальных акторов – в качестве условия их участия в политическом процессе. К "табуированным" относились проблемы, связанные со статусом русского языка, а также с автономизацией русскоязычных территорий украинской Новороссии, особенно Крыма. Эти проблемы, представляющие, по существу, нерв украинской общественной дискуссии, на протяжении более десяти лет упорно "изгонялись" из политической повестки дня, а политические акторы, поднимающие их, "выдавливались" из сферы официальной политики.

В результате сторонники альтернативных проектов, потенциально торпедирующих базовую конструкцию украинской политики (как радикально-националистические, так и ориентированные на те или иные формы политической реинтеграции с Россией), эффективно маргинализировались, лишаясь какого бы то ни было политического представительства в Верховной Раде и возможности напрямую участвовать в президентских выборах.

Будучи крайне неустойчивой стратегически, базовая конструкция украинской политики, тем не менее, долгое время обеспечивала известную преемственность власти, а также сохраняла принятые в 1991 г. формально демократические правила политической игры: институты свободных выборов, многопартийности, парламентаризма и президентства.

4.7. Политические трансформации парламентской кампании 2002 г.

Одной из ведущих интриг парламентской избирательной кампании 2002 г. на Украине стало появление на правом фланге украинского политического спектра фигуры В. Ющенко, который возглавил блок "Наша Украина" и с самого начала стал претендовать на формирование политической альтернативы режиму Л. Кучмы. "Наша Украина" сразу же лишила "Коммунистическую партию Украины" (КПУ) П. Симоненко монополии на лидерство среди оппозиционных политических сил, сломав стереотипное представление, что лишь "непримиримые левые" в состоянии обеспечить эффективную мобилизацию протестного электората.

Формирование блока "Наша Украина" привело к консолидации избирателей умеренно националистической ориентации, до той поры разрозненных и зачастую не находящихся ни приемлемой основы для объединения, ни эффективных стимулов для активного выражения своей политической позиции. Политическая формула этого блока и фигура его лидера точно отвечали электоральному запросу той части украинских избирателей, которые предпочитали компромиссное решение фундаментальных вопросов украинского национально-государственного строительства, а также внешне- и внутривнутриполитической стратегии. "Наша Украина" удовлетворяла политическим запросам и правопоцентристского, и умеренно националистического электората, тем самым существенно повышая его совокупную мобилизационную активность.

Заметим, что в тот же период у основных конкурентов "Нашей Украины" (у КПУ и блока "За Единую Украину") интегрирующий и мобилизующий потенциал снизился. Электоральный массив КПУ составляли избиратели традиционно советской, либо радикально протестной ориентации, блока "За Единую Украину" – та часть украинского общества, которая по-прежнему готова была оказать поддержку президенту Л. Кучме. В итоге электоральный запрос значительных социальных слоев (в первую очередь на *востоке* и *юге* Украины) по-прежнему не находил удовлетворяющего его политического предложения, что толкало эти слои к выбору позиции "не голосующих". Эта вопиющая "несимметричность" украинского электорального пространства в итоге привела в 2002 г. к формированию нового парламента, в котором, как и в Верховной Раде прежних созывов, интересы *юга* и *востока* Украины были представлены весьма неполно, неадекватно и непропорционально.

Точно выверенная предвыборная стратегия обеспечила блоку "Наша Украина" лидирующие позиции в ходе парламентской избирательной кампании 2001-2002 гг. В числе основных слагаемых успеха этого относительно нового на тот момент политического образования следует отметить относительно высокую степень уверенности его сторонников в своем электоральном выборе, низкий уровень социального неприятия блока, наконец, максимально эффективный с точки зрения электоральной мобилизации мотивационный комплекс, ориентированный на фигуру лидера "Нашей Украины" – В. Ющенко.

Рассмотрим (опираясь на данные опросов 2001-2002 гг.) эти и некоторые другие факторы электоральной мобилизации более подробно, т. к. их анализ позволяет более яс-

но и детально понять особенности электоральной поддержки и политического имиджа В. Ющенко, обеспечившие ему победу в ходе президентской кампании 2004 г.

Во-первых, обратим внимание на соотношение числа тех, кто желал бы видеть ту или иную партию или блок избранными в Верховную Раду, и числа тех, кто готов был бы проголосовать за эту партию или блок на выборах. Для большинства участников предвыборной гонки 2001-2002 гг. величина этого показателя оставалась в пределах от 3,25 до 4,7. Для этих политических объединений были характерны, прежде всего, неопределенность, нечеткость политического имиджа, низкий мобилизующий потенциал, размытость электорального ядра. Фигура лидера была важным фактором электоральной мобилизации. Подвижность политических предпочтений представителей таких электоральных групп, в конце концов, обуславливает высокую степень их неуверенности в своем выборе на решающем этапе. Напротив, политические объединения с соотношением "рейтинга приятия" и "рейтинга голосования" меньше 2,0 (такие как "Наша Украина" и КПУ) обладают заметным потенциалом мобилизации своих потенциальных сторонников.

Во-вторых, блок "Наша Украина" выделялся и по другому важному показателю – соотношению *готовых проголосовать за этот блок и не желающих голосовать за этот блок ни при каких обстоятельствах*. Лишь у двух политических объединений в тот период значение этого параметра достигало 2,0: у "Нашей Украины" и у центрального объединения "Женщины за будущее". У всех прочих оно было значительно меньше (вплоть до 0,23 для блока Юлии Тимошенко). Очевидно, что высокое значение этого параметра свидетельствует о преобладающем позитивном восприятии соответствующего блока, что, в свою очередь, способствует повышению его мобилизующего и консолидирующего потенциала.

Наконец, отметим, что основным мотивом голосования за "Нашу Украину", согласно ответам респондентов на соответствующий открытый вопрос, является *"доверие к лидеру блока"* (такой ответ дали свыше 70% потенциальных избирателей "Нашей Украины"). Этот беспрецедентный результат демонстрирует, что фигура В. Ющенко является особо значимым фактором электоральной мобилизации для блока "Наша Украина" (среди собиравшихся голосовать за этот блок доля "безусловно положительно" оценивающих В. Ющенко как лидера достигает 77%. К примеру, для лидера блока "За единую Украину" А. Кинаха соответствующая доля составляла всего 45%.

Стоит обратить внимание не только на значительный отрыв В. Ющенко от всех прочих конкурентов (как по рейтингу доверия, так и по президентскому рейтингу на тот момент – это как минимум двукратное опережение), но и на его уникально высокий положительный баланс рейтингов доверия/недоверия. Это свидетельствует об отсутствии в тот период серьезного общественного неприятия В. Ющенко в качестве нового общенационального лидера. В этом отношении единственный, достаточно слабый намек на возможную в будущем конкуренцию В. Ющенко содержался в рейтинговых показателях действующего премьера А. Кинаха. У него единственного, кроме самого В. Ющенко, в тот период устойчиво наблюдался небольшой положительный баланс рейтингов доверия/недоверия. Уже тогда очевидным было определенное воспроизведе-

дение сценария электоральной ситуации 1994 г. Тогда на фоне массового общественного разочарования в первом украинском президенте – Л. Кравчуке – и в большинстве других лидеров, составлявших тогдашнюю политическую элиту, новым символом украинской общенациональной консолидации выступил "опальный" экс-премьер Л. Кучма. Теперь, в 2001-2004 гг. роль опального "экс-преьера – хозяйственника", воплощающего чаяния национально-государственного возрождения, с блеском исполнял В. Ющенко.

Факт бесспорного лидерства В. Ющенко дополнялся на удивление прочным и основательным "габитусом" этой политической фигуры. В результате уже к весне 2002 г. значительная часть украинского общества приняла его в качестве нового общенационального лидера. По крайней мере, в то время социологические исследования не обнаруживали в политическом образе В. Ющенко какого-либо "слабого места".

"Фактор В. Ющенко" активизировал значительные электоральные ресурсы правых, дал толчок процессам политической мобилизации и партийной консолидации демократических и умеренно-националистических сил, сформировал политическое предложение, отличающееся высокой эффективностью и привлекательностью для широкого круга приверженцев компромисса, сочетающего ценности умеренного национализма со стремлением к сохранению в стране национального единства и гражданского мира.

Предлагаемая блоком "Наша Украина" политическая платформа равно удовлетворяла интересы различных электоральных групп – от умеренных националистов до правого центра. Этот блок отличался тем, что формируемое им политическое предложение, апеллирующее к ценностям украинской гражданственности и умеренного национализма, было в равной мере приемлемо для различных по своим политическим воззрениям слоев украинского общества. На такого рода политический "товар" существовал устойчивый спрос и среди последовательных националистов-западников, мечтающих о воссоединении Украины с Европой, и среди тех, кто видел Украину скорее тесным партнером и даже союзником России, и наконец, среди тех, кто, составляя по существу большинство украинского электората, склонялся к эклектическому соединению зачастую полярных политических интенций.

Стоит особо отметить, что блок "Наша Украина" являл собою принципиально иное образование, нежели поддерживающие его и входящие в него партии правой и националистической ориентации (совокупная доля их сторонников в общем числе избирателей блока не превышала 20-25%). Вместе с тем, до половины электората "Нашей Украины" составляли избиратели, проигнорировавшие (по данным опросов, проводившихся накануне парламентских выборов 2002 г.) все существовавшие до образования этого блока партии. Этот, казалось бы, рыхлый, "на живую нитку собранный" блок уже в начале 2002 г. демонстрировал вполне приемлемые электоральные показатели: 63% из числа готовых проголосовать за "Нашу Украину" выражали твердое намерение участвовать в предстоящих выборах, еще 18% склонялись к тому же с некоторыми колебаниями.

Иными словами, ставший "хитом" парламентской избирательной кампании 2002 г. электоральный проект "Наша Украина" сформировал на Украине принципиально новую политическую ситуацию, создав прецедент консолидированной правоцентристской оппозиции действующей власти. И тем самым во многом предопределил основную коллизию президентской избирательной кампании 2004 г., перехватив у Л. Кучмы и его администрации политическую инициативу.

Фактически на Украине в 2001-2002 гг. произошла инверсия базового сценария политического процесса, приспособленного для обеспечения интересов "партии власти" и администрации Л. Кучмы. Прежде относительно консолидированному левому флангу украинского политического спектра (представляющему по большей части *восточные* и *южные* регионы Украины) противостояли многочисленные, активно конкурирующие друг с другом и стремительно маргинализирующиеся право-националистические партии, имеющие сколь-либо существенную поддержку лишь на *западе*.

В этой ситуации "партия власти" обладала всеми возможностями контроля над политическим процессом в стране. Теперь же привлекательный для умеренных националистов и государственников единый правоцентристский блок В. Ющенко, принудивший к единству большинство право-националистических партий и придавший украинскому национализму имидж респектабельного и предсказуемого политического игрока, получил шанс стать силой, способной разрушить выстроенный Л. Кучмой политический порядок, лишит власть монопольного контроля над политическим процессом на Украине. К 2004 г. все необходимые предпосылки для этого были созданы.

5. Президентские выборы 2004 г. и тренды массовых настроений

Вступление Украины в фазу президентской кампании 2004 г. сопровождалось резкой активизацией борьбы ведущих украинских политических группировок за приемлемый вариант политической реформы. Существо вопроса заключалось в том, что прежние механизмы распределения властных полномочий и согласования интересов ключевых политических игроков в стране не устраивали уже практически никого. Во-первых, в реформе власти, ограничивающей полномочия президента в пользу парламента, были заинтересованы близкие тогдашнему президенту Л. Кучме кланы. Очевидная для них перспектива утраты ресурса президентской власти побуждала предпринять срочные меры по ограничению властных прерогатив будущего президента, заведомо "не своего". Во-вторых, в ней были заинтересованы многочисленные лоббистские фракции в Верховной Раде, поскольку их лидеры и стоящие за ними олигархические структуры получали возможность жесткого контроля над членами собственной фракции. К тому же последние, освобождаясь от президентского диктата, усиливали влияние на политическую ситуацию в стране, а также – путем политического торга в ходе формирования кабинета министров – обеспечивали интересы своего бизнеса.

Только политики, ориентирующиеся на оппозиционную Л. Кучме "Нашу Украину" и на ее лидера В. Ющенко, не проявляли заинтересованности в реализации этого проекта конституционной реформы. Они резонно полагали, что будет лучше, если их лидеру, имевшему в первой половине 2004 г. исключительно благоприятные президентские перспективы, президентская власть достанется во всей полноте.

После многочисленных обсуждений и согласований проект конституционной реформы был принят парламентским большинством в первом чтении 23 июня 2004 г.

Вместе с тем, окончательное голосование по конституционной реформе оказалось отложенным в следствие того, что к осени 2004 г. кандидат от "партии власти" В. Янукович стал реальным конкурентом В. Ющенко, поставив под сомнение президентские перспективы последнего.

Политическая коллизия, в которой уже ни один из двух наиболее вероятных претендентов на президентский пост не готов был поступаться своими "будущими полномочиями" в пользу парламента, разрешилась лишь 8 декабря 2004 г., когда в ситуации "политического клинча", последовавшего за непризнанием оппозицией итогов "первого" второго тура президентских выборов (21 ноября 2004 г.), парламентарии вынуждены были найти компромисс и проголосовать за конституционную реформу. Теперь она служила своего рода политической страховкой для той стороны, что выйдет из кризиса проигравшей.

26 декабря 2004 г. состоялся парадоксальный "второй" второй тур президентских выборов, давший, наконец, Украине нового президента и положивший конец электоральному циклу 2002-2004 гг. Победитель – В. Ющенко – получил своего рода "фору" в восемь месяцев, поскольку до 1 сентября 2005 г., когда закон о конституционной реформе должен будет вступить в силу, у нового лидера страны сохраняется вся полнота прежней президентской власти, помноженная на дополнительные ресурсы новой, "революционной" харизмы.

Но при любом из возможных вариантов развития событий налицо радикальное изменение политической ситуации на Украине. Вместе с тем, попытки обнаружить адекватные этим изменениям подвижки в структуре массового сознания украинского общества дают результат поистине парадоксальный: если и можно говорить о сдвигах в массовом сознании, то события ноября-декабря 2004 г. стали их причиной, но никак не были ими подготовлены.

По результатам опросов ФОМ 2001-2002 и 2004 гг., а также опросу, проведенному в мае 2005 г. попытаемся проследить изменения, происходившие в массовом сознании украинского общества на всем протяжении электорального цикла и спустя полгода по его завершении, по четырем направлениям:

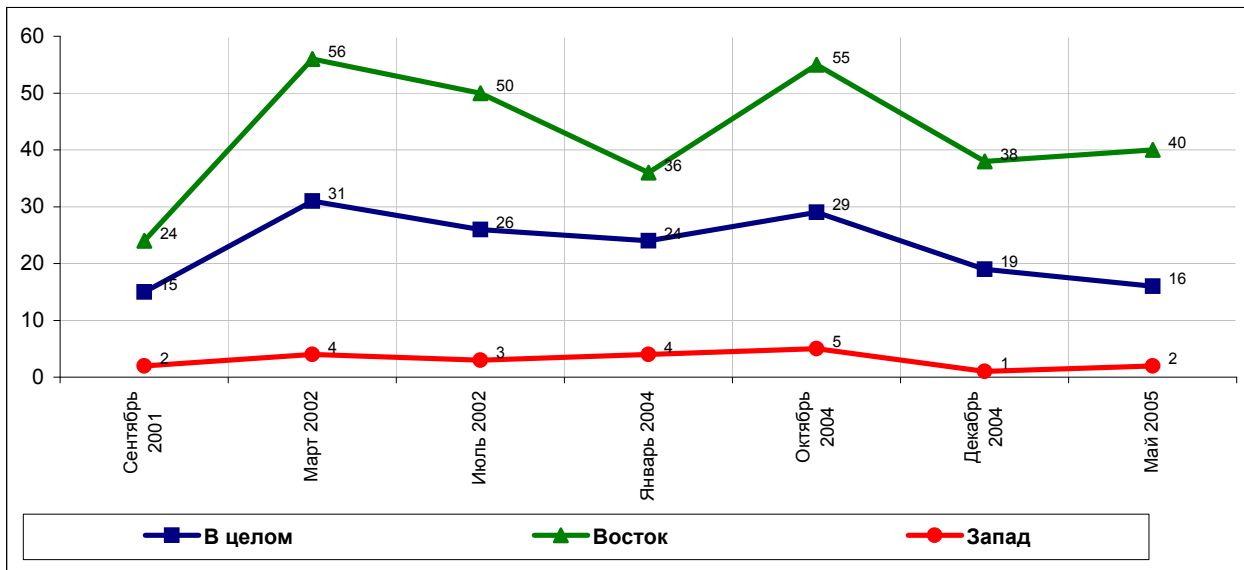
- динамика геополитических ориентаций населения Украины;
- динамика доверия президенту РФ В. Путину на Украине;
- динамика предпочтений относительно статуса русского языка на Украине;
- динамика предпочтений относительно приоритетного стратегического партнера Украины.

Отметим, что приводимая в *табл. 7-10* динамика предпочтений массового сознания украинского общества дана с акцентом на наиболее значимых, поворотных этапах украинского электорального цикла.

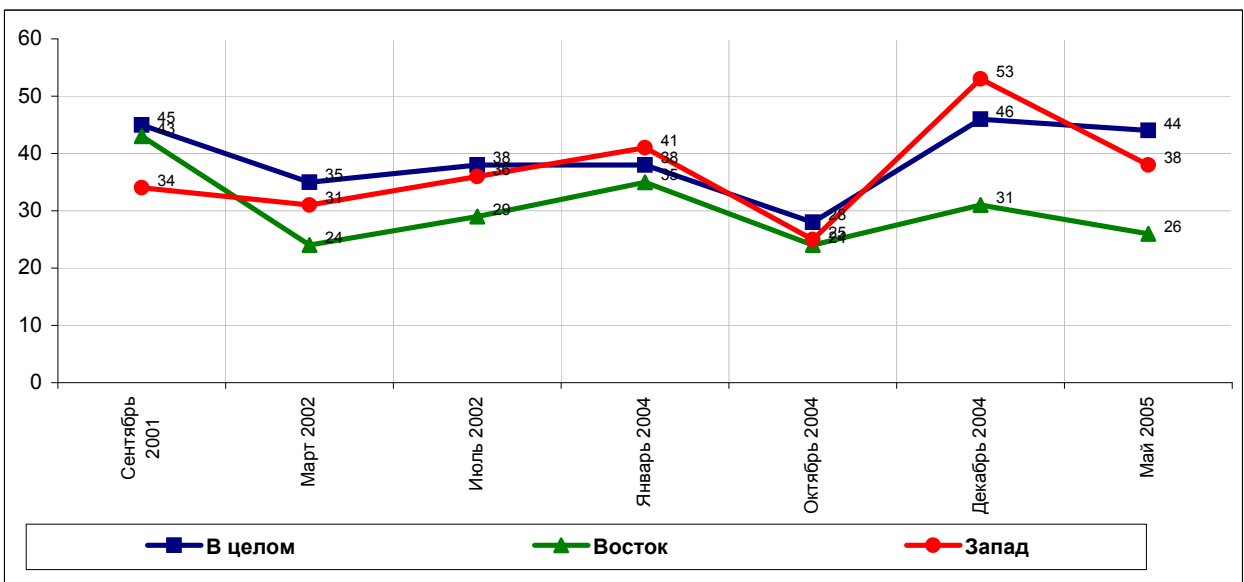
Основные тренды геополитических ориентаций населения Украины за период с конца августа 2001 г. до конца декабря 2004 г., как уже отмечалось выше, в целом невелики (*рис 4, табл. 7*). Если судить по общеукраинской динамике, то в ходе каждой из двух последних избирательных кампаний (и в 2001-2002 гг., и в 2004 г.) наблюдалась однотипная картина. С приближением даты голосования в обществе росли пророссийские настроения (в основном за счет снижения общего числа сторонников компромиссной позиции "и с Россией, и с Западом"), достигая своего максимума непосредственно накануне выборов. Но само решающее голосование и его результаты оба раза разворачивали наметившуюся до того тенденцию вспять: пророссийские настроения в украинском обществе несколько ослабевали, а осторожно-компромиссная позиция получала дополнительную поддержку. При этом общее число сторонников ориентации на Запад или разделяющих изоляционистские настроения существенно не менялось.

Динамика геополитических ориентаций населения Украины

Позиция «ориентация исключительно на Россию»

Позиция «ориентация в равной мере на Россию и на Запад»

Позиция «ориентация исключительно на Запад»

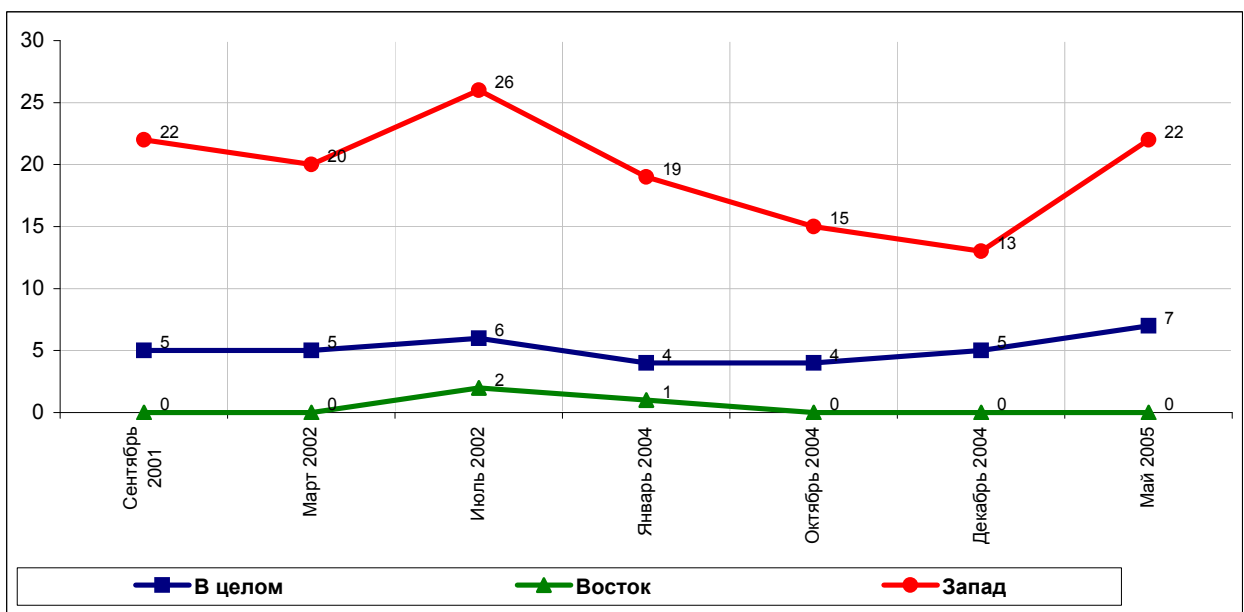

Таблица 7

Динамика геополитических ориентаций населения Украины (данные в %)

Что, на Ваш взгляд, предпочтительнее: чтобы у руководства Украиной находились политики, ориентирующиеся в первую очередь на сближение...	Дата проведения опроса	В целом по Украине	Макрорегионы Украины						
			Запад	Северо-запад	Центр	Северо-восток	Восток	Юго-восток	Юг
Исключительно с Россией	28.08-9.09.2001	15	2	8	11	23	24	16	21
	15-20.03.2002	31	4	18	23	29	56	37	47
	3-9.07.2002	26	3	11	25	34	50	32	25
	30.01-8.02.2004	24	4	17	22	25	36	30	35
	19-24.10.2004	29	5	20	22	26	55	39	37
	19-21.12.2004	19	1	8	8	25	38	24	28
	13-24.05.2005	16	2	4	9	18	40	18	21
Скорее с Россией, чем с Западом	28.08-9.09.2001	17	5	20	12	17	27	18	20
	15-20.03.2002	15	9	18	12	15	17	18	14
	3-9.07.2002	18	7	22	14	19	14	23	26
	30.01-8.02.2004	19	4	23	16	20	20	22	27
	19-24.10.2004	20	8	18	20	25	18	21	32
	19-21.12.2004	15	2	9	11	14	30	13	26
	13-24.05.2005	15	3	14	6	18	26	18	22
В равной мере и с Россией, и с Западом	28.08-9.09.2001	45	34	38	54	52	43	53	42
	15-20.03.2002	35	31	42	42	46	24	36	26
	3-9.07.2002	38	36	45	43	40	29	35	36
	30.01-8.02.2004	38	41	36	48	40	35	40	24
	19-24.10.2004	28	25	31	36	35	24	30	21
	19-21.12.2004	46	53	51	57	42	31	53	37
	13-24.05.2005	44	38	50	57	45	26	52	40
Скорее с Западом, чем с Россией	28.08-9.09.2001	8	20	13	7	3	1	6	5
	15-20.03.2002	5	14	6	7	1	1	2	5
	3-9.07.2002	6	16	8	3	1	3	4	4
	30.01-8.02.2004	6	17	7	4	4	4	4	3
	19-24.10.2004	6	25	6	4	1	0	4	3
	19-21.12.2004	9	26	16	9	7	0	4	4
	13-24.05.2005	8	24	11	5	9	1	4	5
Исключительно с Западом	28.08-9.09.2001	5	22	3	4	0	0	4	1
	15-20.03.2002	5	20	5	3	2	0	2	1
	3-9.07.2002	6	26	3	4	3	2	2	1
	30.01-8.02.2004	4	19	2	2	3	1	1	2
	19-24.10.2004	4	15	7	4	5	0	1	0
	19-21.12.2004	5	13	8	5	6	0	0	1
	13-24.05.2005	7	22	8	8	5	0	2	2
Ни с Россией, ни с Западом	28.08-9.09.2001	4	7	6	4	4	2	3	5
	15-20.03.2002	4	9	4	5	3	1	1	3
	3-9.07.2002	3	5	3	5	1	1	2	1
	30.01-8.02.2004	3	7	2	3	3	2	1	1
	19-24.10.2004	4	9	5	4	3	0	2	3
	19-21.12.2004	2	0	4	5	2	1	2	1
	13-24.05.2005	3	4	4	7	3	0	2	1

Источник: Украина. Поле мнений. 2001, № 03; 2002, №№ 06(15), 11(20); 2004, №№ 01, 20, 25.

Наиболее заметные сдвиги выявляются в ответах жителей наиболее пророссийски ориентированных регионов Украины (см. *табл. 4*). Здесь за ноябрь-декабрь 2004 г. число сторонников ориентации "исключительно на сближение с Россией" снизилось с 55% до 38% на *востоке* и с 39% до 24% на *юго-востоке*. На *юго-востоке* и *юге* снижение продолжилось (с 24% до 18% и с 28% до 21%, соответственно).

Иными словами, если относительно *востока* (Донецкая и Луганская области) можно говорить о сохранении, пусть и в несколько более скромных масштабах, массовой базы поддержки пророссийски ориентированной политики, то касательно *юга* и *юго-востока* (Одесса, Нижнее Поднепровье, Крым) следует отметить, что события конца 2004 г. инициировали здесь серьезную перестройку всего комплекса массовых настроений и ориентаций в отношении к России, ведущую к формированию в целом более сдержанной и амбивалентной позиции.

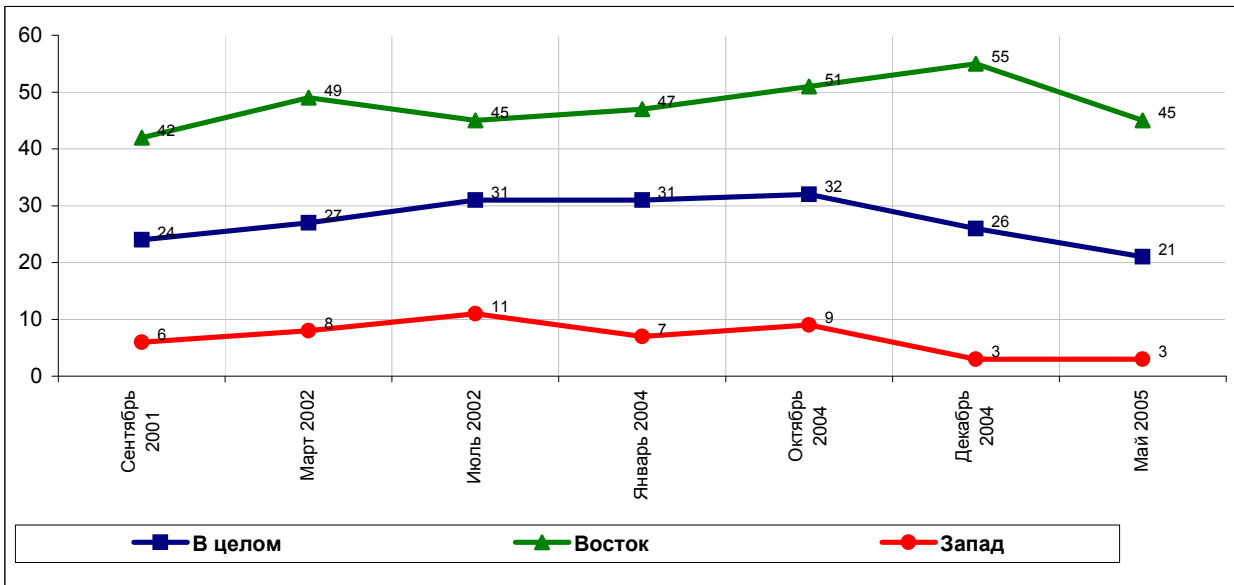
Обратим внимание, что после победы В. Ющенко в массовых настроениях *западного* макрорегиона Украины наблюдается тенденция к поляризации и усилению прозападной ориентации.

Если рассматривать имиджевые потери России в ходе событий 2004 г., то их характер несколько иной (*рис. 5, табл. 8*). Доверие В. Путину на Украине может служить достаточно хорошим показателем отношения украинских граждан к российской политике в целом, и к политическим перспективам сотрудничества Украины с Россией в частности.

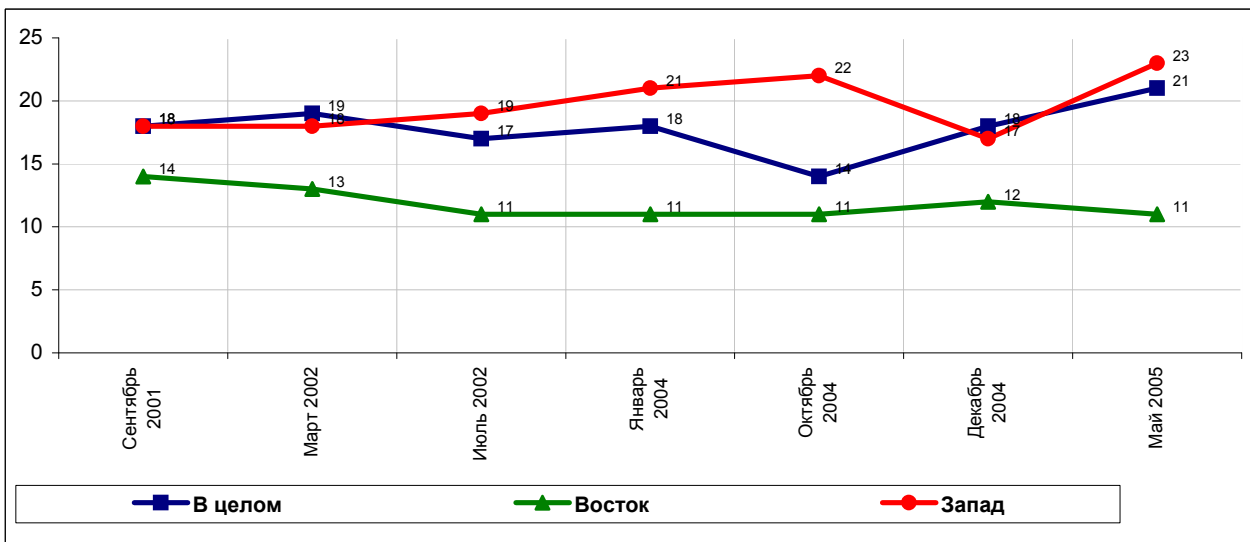
Как уже упоминалось, общеукраинский рейтинг доверия В. Путина в течение длительного времени в большинстве случаев превосходил рейтинги доверия основных украинских политиков.

Динамика доверия к Президенту РФ Владимиру Путину на Украине

Позиция «полностью доверяю»

Позиция «отчасти доверяю, отчасти нет»

Позиция «совсем не доверяю»

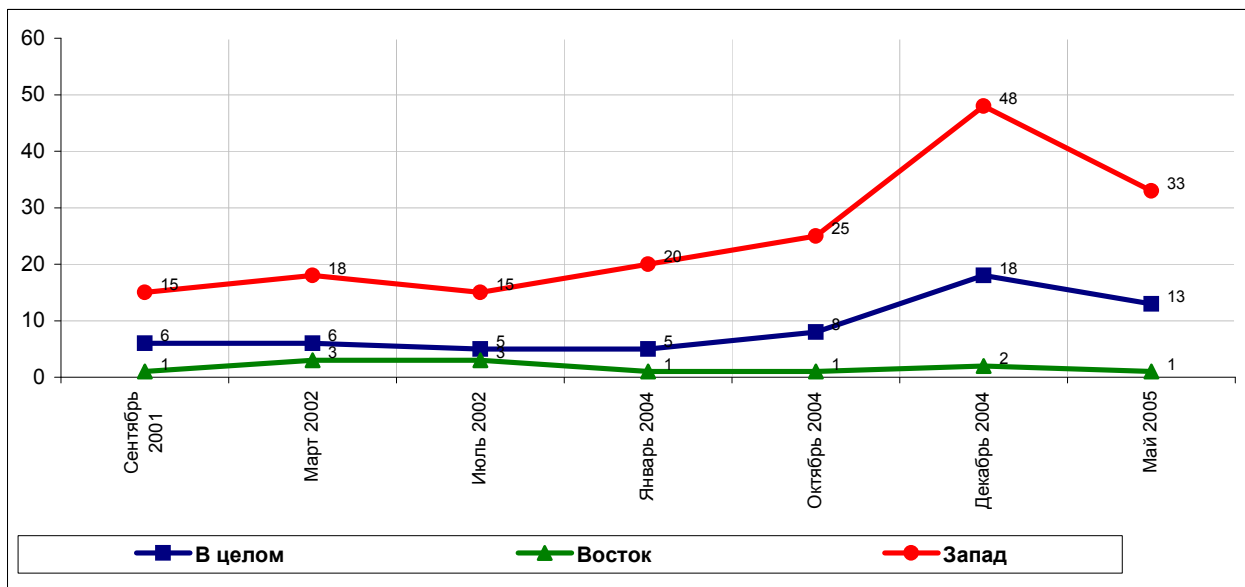

Таблица 8

Динамика доверия Президенту РФ В. Путину на Украине (данные в %)

В какой мере Вы доверяете Президенту РФ В. Путину?	Дата проведения опроса	В целом по Украине	Макрорегионы Украины						
			Запад	Северо-запад	Центр	Северо-восток	Восток	Юго-восток	Юг
Полностью доверяю	28.08-9.09.2001	24	6	11	20	20	42	33	34
	15-20.03.2002	27	8	16	23	27	49	29	36
	3-9.07.2002	31	11	25	30	37	45	32	35
	30.01-8.02.2004	31	7	27	29	41	47	30	39
	19-24.10.2004	32	9	20	28	30	51	33	48
	19-21.12.2004	26	3	7	12	25	55	27	48
	13-24.05.2005	21	3	4	13	17	45	21	38
Скорее доверяю, чем не доверяю	28.08-9.09.2001	23	13	18	21	24	34	29	22
	15-20.03.2002	23	12	21	20	32	23	26	25
	3-9.07.2002	23	13	25	18	25	28	27	28
	30.01-8.02.2004	27	12	23	22	29	33	35	38
	19-24.10.2004	24	10	28	23	30	29	27	24
	19-21.12.2004	18	5	12	17	24	27	27	18
	13-24.05.2005	21	4	14	15	25	33	30	25
Отчасти доверяю, отчасти нет	28.08-9.09.2001	18	18	22	19	25	14	19	13
	15-20.03.2002	19	18	24	22	25	13	20	15
	3-9.07.2002	17	19	16	24	17	11	17	13
	30.01-8.02.2004	18	21	23	27	14	11	21	11
	19-24.10.2004	14	22	13	13	15	11	13	11
	19-21.12.2004	18	17	22	19	19	12	22	15
	13-24.05.2005	21	23	27	23	26	11	25	17
Скорее не доверяю, чем доверяю	28.08-9.09.2001	8	14	9	12	5	1	5	6
	15-20.03.2002	5	9	7	7	3	3	2	3
	3-9.07.2002	4	10	6	3	2	1	1	2
	30.01-8.02.2004	5	13	3	4	4	2	5	1
	19-24.10.2004	5	9	10	6	3	2	3	2
	19-21.12.2004	11	17	22	15	11	1	8	2
	13-24.05.2005	10	18	18	13	11	3	7	3
Совсем не доверяю	28.08-9.09.2001	6	15	6	4	8	1	3	4
	15-20.03.2002	6	18	2	9	2	3	3	4
	3-9.07.2002	5	15	3	5	5	3	4	4
	30.01-8.02.2004	5	20	4	4	4	1	2	1
	19-24.10.2004	8	25	6	9	8	1	2	3
	19-21.12.2004	18	48	18	29	15	2	5	6
	13-24.05.2005	13	33	18	23	12	1	5	2

Источник: Украина. Поле мнений. 2001, № 03; 2002, №№ 06(15), 11(20); 2004, №№ 01, 20, 25, 2005 № 1.

В целом за ноябрь-декабрь 2004 г. в регионах *юга* и *востока* Украины рейтинг доверия В. Путину понизился мало (а на *востоке* он практически не изменился).

Существенное снижение доверия В. Путину произошло на *северо-западе*, в *центре* и на *северо-востоке*, прервав тем самым медленный, но последовательный общеукраинский тренд роста доверия российскому президенту, наблюдавшийся с лета 2001 г. по октябрь 2004 г.

Соответственно, именно на *западе*, *северо-западе*, *северо-востоке*, а также в *центре* за считанные недели произошел существенный (двух-, а то и трехкратный) рост недоверия В. Путину, а стало быть и российской политике, и перспективам российско-украинских отношений в целом. Здесь имиджевые потери России оказались чрезвычайно велики.

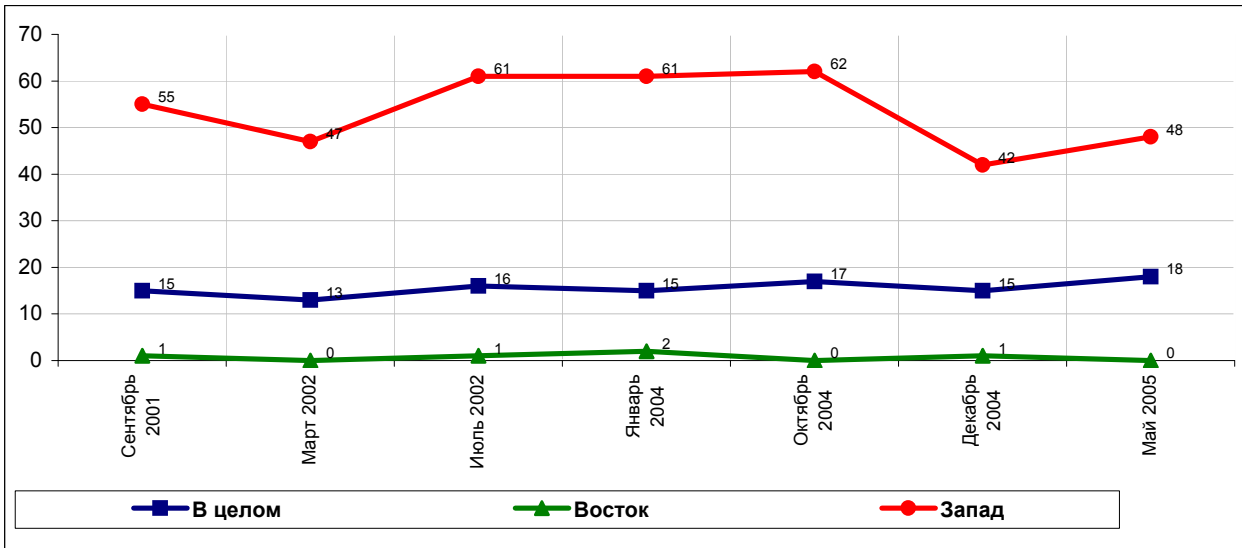
Уже после завершения выборов в пророссийски настроенных регионах *юга*, *юго-востока* и *востока* продолжается последовательное снижение доверия к российскому лидеру (в пользу более осторожных, нейтральных оценок). Напротив, в регионах *запада* и *центра* прежнее ситуативно возросшее недоверие российскому лидеру постепенно снижается.

Отношение к русскому языку и его официальному статусу на Украине (*рис. 6, табл. 9*) является своего рода интегральным показателем социо-культурного напряжения в украинском обществе.

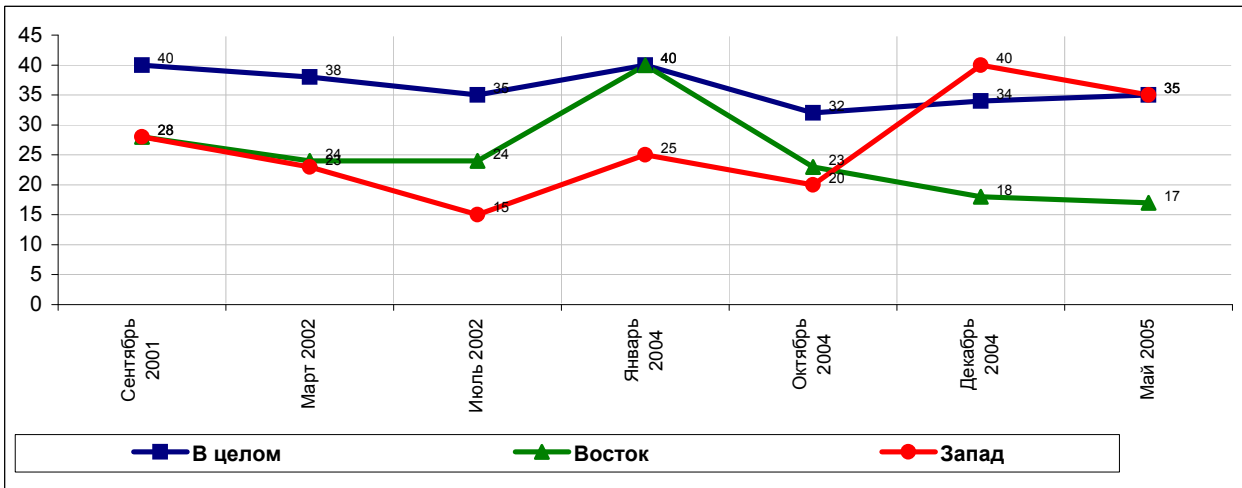
Общеукраинская динамика этого показателя на протяжении последних лет была весьма умеренной. Можно обратить внимание лишь на то, что с приближением даты президентских выборов несколько выросло число приверженцев мнения, что нужно "сделать русский язык вторым государственным языком Украины", а компромиссная позиция "сделать русский язык вторым официальным языком в тех областях, большинство населения которых этого желает" стала менее популярной. После выборов в стране в целом ситуация изменилась несущественно.

Динамика отношения к вопросу о статусе русского языка на Украине

Позиция «нужно устранить русский язык из официального общения во всей Украине»

Позиция «нужно сделать русский язык вторым официальным языком в тех областях, большинство населения которых этого желает»

Позиция «нужно сделать русский язык вторым государственным языком Украины»

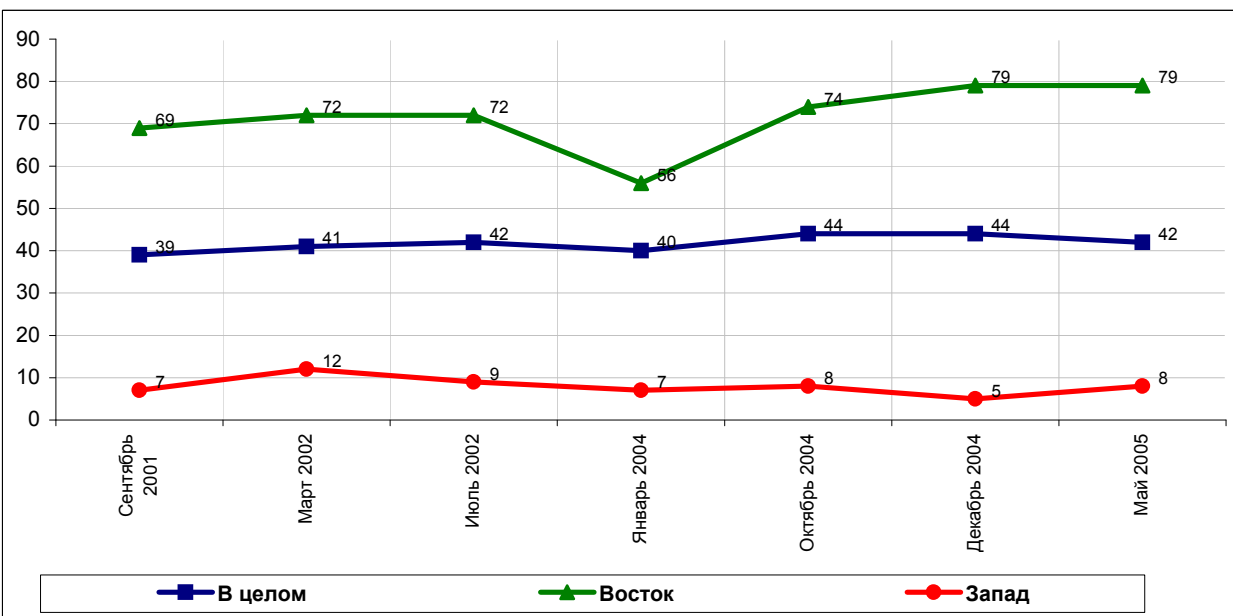

рис. 6

Таблица 9

Динамика предпочтений относительно статуса русского языка на Украине
(данные в %)

Какой должна быть государственная политика по отношению к русскому языку на Украине?	Дата проведения опроса	В целом по Украине	Макрорегионы Украины						
			Запад	Северо-запад	Центр	Северо-восток	Восток	Юго-восток	Юг
Нужно устранить русский язык из официального общения во всей Украине	28.08-9.09.2001	15	55	19	13	5	1	4	5
	15-20.03.2002	13	47	19	15	10	0	2	3
	3-9.07.2002	16	61	19	15	12	1	4	3
	30.01-8.02.2004	15	61	17	9	5	2	7	2
	19-24.10.2004	17	62	31	11	11	0	4	3
	19-21.12.2004	15	42	25	20	9	1	6	2
	13-24.05.2005	18	48	35	16	16	0	6	6
Нужно сделать русский язык вторым официальным языком в тех областях, большинство населения которых этого желает	28.08-9.09.2001	40	28	59	44	35	28	54	28
	15-20.03.2002	38	23	56	38	47	24	45	33
	3-9.07.2002	35	15	55	42	45	24	39	26
	30.01-8.02.2004	40	25	49	51	54	40	45	19
	19-24.10.2004	32	20	40	39	40	23	43	21
	19-21.12.2004	34	40	44	37	44	18	37	20
	13-24.05.2005	35	35	44	40	52	17	44	18
Нужно сделать русский язык вторым государственным языком Украины	28.08-9.09.2001	39	7	12	33	57	69	39	63
	15-20.03.2002	41	12	11	39	37	72	46	61
	3-9.07.2002	42	9	16	34	42	72	52	68
	30.01-8.02.2004	40	7	22	36	37	56	46	75
	19-24.10.2004	44	8	18	37	45	74	50	71
	19-21.12.2004	44	5	16	33	41	79	56	72
	13-24.05.2005	42	8	16	39	28	79	46	70
Другое	28.08-9.09.2001	2	3	2	3	2	1	1	2
	15-20.03.2002	3	9	2	2	2	1	2	1
	3-9.07.2002	3	9	5	5	1	1	2	1
	30.01-8.02.2004	1	1	1	1	0	1	1	0
	19-24.10.2004	2	2	5	2	1	0	1	1
	19-21.12.2004	3	5	2	1	4	2	1	3
	13-24.05.2005	1	5	0	0	0	1	0	1
Затрудняюсь ответить	28.08-9.09.2001	4	7	8	7	2	0	2	3
	15-20.03.2002	6	9	11	7	4	3	5	3
	3-9.07.2002	3	6	5	5	1	2	2	2
	30.01-8.02.2004	4	6	11	3	4	1	1	3
	19-24.10.2004	5	7	6	11	2	2	2	3
	19-21.12.2004	5	7	13	8	1	1	1	1
	13-24.05.2005	4	5	5	5	4	3	4	5

Источник: Украина. Поле мнений. 2001, № 03; 2002, №№ 06(15), 11(20); 2004, №№ 01, 20, 25, 2005. №1.

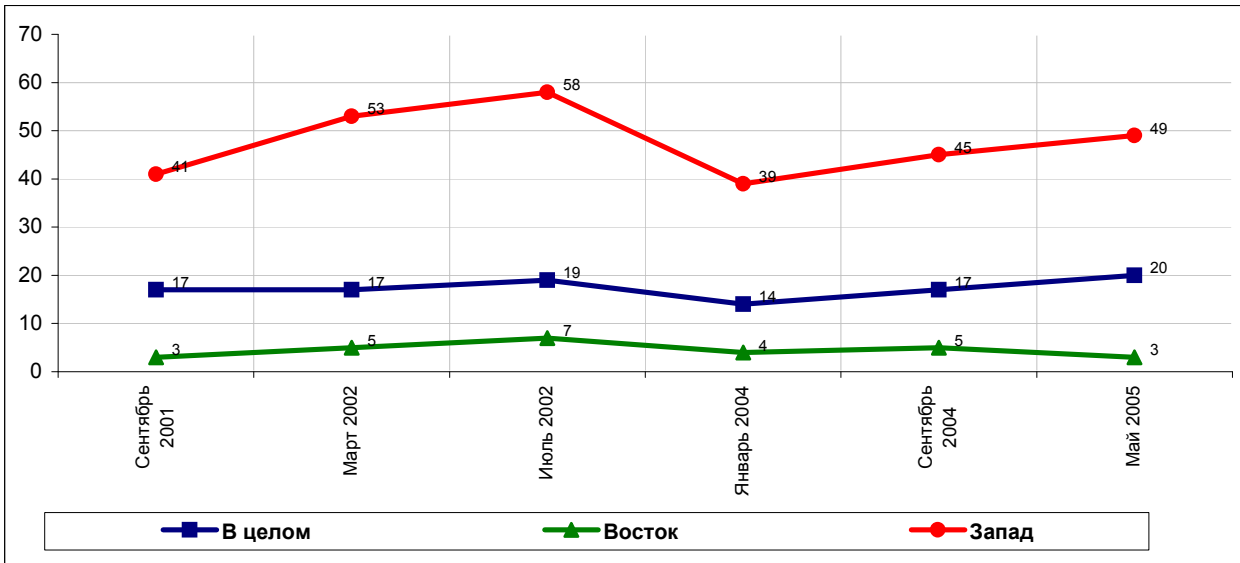
Переходя на макрорегиональный уровень анализа, мы наблюдаем значительно более отчетливые изменения. Например, для преимущественно русскоязычных регионов *востока* и *юга* радикализация внутриукраинской политической борьбы закономерно означала радикализацию массового сознания этих регионов в вопросе о статусе русского языка. Здесь к концу 2004 г. доля тех, кто разделял требование "сделать русский язык вторым государственным языком Украины", достигла максимальных значений за весь период проведения исследований. На *западе* и *северо-западе* политическая победа, ставшая очевидной уже к декабрю 2004 г., способствовала известному "смягчению" позиции массового сознания этих регионов в вопросе об официальном статусе русского языка. Компромиссный вариант – "нужно сделать русский язык вторым официальным языком в тех областях, большинство населения которых этого желает" – стал для жителей этих регионов в новой политической ситуации заметно более приемлемым, чем ранее.

Победа В. Ющенко на выборах 2004 г. была однозначно воспринята здесь как победа национально-демократических сил. Это оказалось достаточным условием, чтобы снизить остроту противостояния между *северо-западом* и *юго-востоком*. С приходом к власти В. Ющенко острота восприятия на *западе* и *северо-западе* Украины мифологемы об опасности "русификации" украинской нации резко снизилась. Тем самым на уровне массовых ориентаций возникли существенно более благоприятные условия для достижения общенационального компромисса по ключевым вопросам внутренней политики.

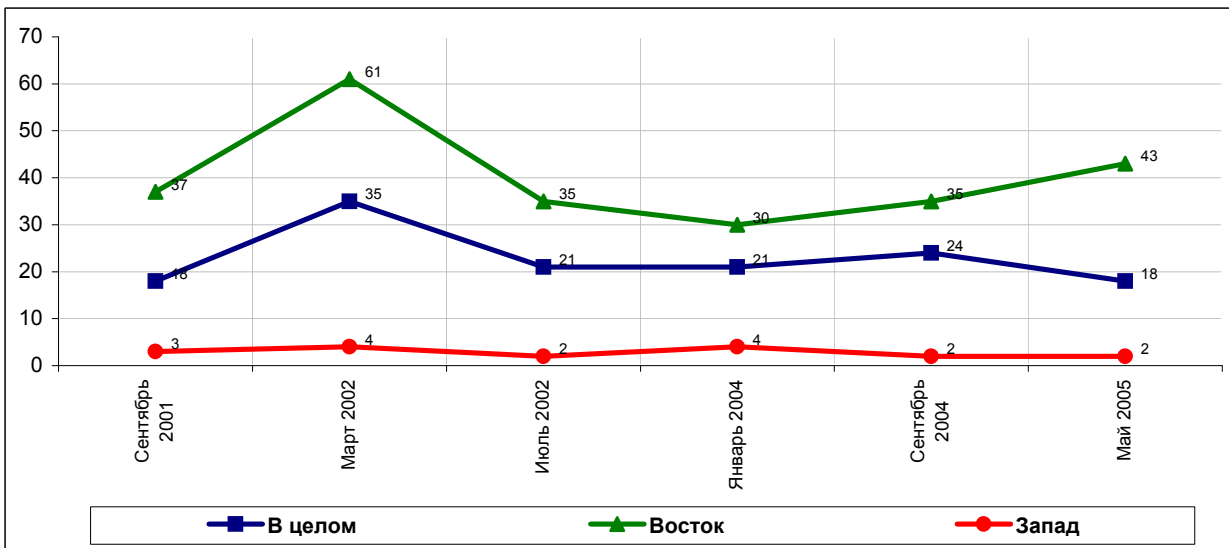
Наконец, рассмотрим еще один важный аспект массовых ориентаций, связанных с выбором приоритетного стратегического партнера Украины (*рис. 7, табл. 10*). Украинским респондентам был предложен выбор между перспективой вступления в Европейский Союз и перспективой вступления в союз с Россией и Белоруссией. Более половины украинского населения стабильно поддерживает идею реинтеграции с Россией и Беларусью, находя такую перспективу наиболее реалистичной в качестве стратегии экономического и социального возрождения Украины. Вместе с тем, энтузиазм по поводу такой перспективы последний раз наблюдался накануне парламентских выборов марта 2002 г. В целом же отношение украинского общества к этой дилемме можно охарактеризовать так. Около четверти населения (на *юге* и *востоке* – до трети) последовательно выступает за реинтеграцию с Россией. Приблизительно каждый шестой житель Украины стремится к вступлению в ЕС (на *западе* – почти 50%). Отметим, что усиливающаяся в преддверии политической реформы и выборов в Верховную раду внутривнутриполитическая нестабильность будет неизбежно усиливать (и уже усиливает) межрегиональную поляризацию позиций по этому вопросу. Вместе с тем, обратим внимание на то, что после прошедших выборов в регионах *юга* и *юго-востока* Украины формируются дополнительные (пока что еще лишь латентные) резервы поддержки политики евроинтеграции.

Динамика предпочтений относительно приоритетного стратегического партнера Украины

Позиция «безусловно Европейский Союз»

Позиция «безусловно Союз с Россией и Белоруссией»

Позиция «затрудняюсь ответить»

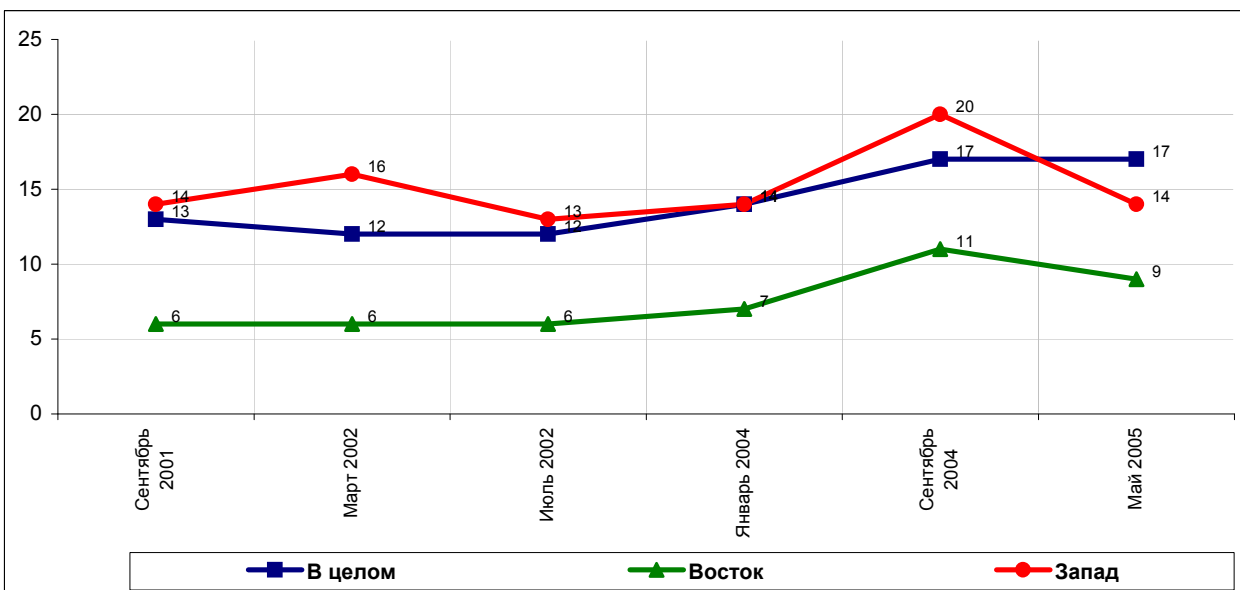

рис. 7

Таблица 10

**Динамика предпочтений относительно приоритетного стратегического партнера
Украины (данные в %)**

В каком союзе государств было бы лучше жить народу Украины – в Европейском Союзе или в союзе с Россией и Белоруссией?	Дата проведения опроса	В целом по Украине	Макрорегионы Украины						
			Запад	Северо-запад	Центр	Северо-восток	Восток	Юго-восток	Юг
Безусловно в Европейском Союзе	28.08-9.09.2001	17	41	12	26	11	3	14	10
	15-20.03.2002	17	53	13	22	12	5	8	6
	3-9.07.2002	19	58	14	26	13	7	6	9
	30.01-8.02.2004	14	39	7	13	21	4	8	6
	31.08-5.09.2004	17	45	25	14	13	5	8	7
	13-24.05.2005	20	49	19	33	22	3	9	7
Скорее в Европейском Союзе	28.08-9.09.2001	21	36	24	24	14	12	24	11
	15-20.03.2002	15	18	18	13	14	8	18	14
	3-9.07.2002	16	14	19	17	16	16	15	16
	30.01-8.02.2004	19	35	18	24	8	17	21	11
	31.08-5.09.2004	15	21	11	15	15	11	16	14
	13-24.05.2005	17	27	29	13	16	6	18	15
Скорее в союзе с Россией и Белоруссией	28.08-9.09.2001	30	6	28	22	38	43	40	37
	15-20.03.2002	21	10	26	24	29	20	24	18
	3-9.07.2002	32	14	34	20	42	37	47	36
	30.01-8.02.2004	33	8	31	32	38	42	38	43
	31.08-5.09.2004	28	12	24	26	33	38	34	32
	13-24.05.2005	28	8	18	24	32	39	33	38
Безусловно в союзе с Россией и Белоруссией	28.08-9.09.2001	18	3	10	14	28	37	15	25
	15-20.03.2002	35	4	23	27	35	61	43	49
	3-9.07.2002	21	2	13	23	23	35	24	24
	30.01-8.02.2004	21	4	16	17	21	30	26	30
	31.08-5.09.2004	24	2	13	25	25	35	30	34
	13-24.05.2005	18	2	2	9	19	43	24	24
Затрудняюсь ответить	28.08-9.09.2001	13	14	25	14	9	6	7	16
	15-20.03.2002	12	16	20	14	11	6	8	13
	3-9.07.2002	12	13	21	13	6	6	9	15
	30.01-8.02.2004	14	14	29	14	13	7	7	10
	31.08-5.09.2004	17	20	28	20	14	11	11	13
	13-24.05.2005	17	14	32	20	11	9	16	16

Источник: Украина. Поле мнений. 2001, № 03; 2002, №№ 06(15), 11(20); 2004, №№ 01, 20, 25.

Уже в ходе президентской кампании 2004 г. в повестке дня украинской политики усилиями России появилась более умеренная альтернатива стратегическому курсу на союз с Россией и Белоруссией. Речь идет о перешедшей в фазу практического решения перспективе вступления Украины в Единое экономическое пространство (ЕЭП) с Россией, Белоруссией и Казахстаном. Остановимся на восприятии этой перспективы массовым сознанием на Украине.

Наблюдаемая картина в этом случае фактически такая же, как и в случае с выбором между ЕС и союзом России и Белоруссией. Лишь пятая часть (21%) украинского населения готовы, ради вступления в ЕЭП пожертвовать перспективой участия в процессе интеграции в ЕС. Напротив, каждый восьмой (13%) из украинских граждан категорически против вступления в ЕЭП. Большая же их часть (в среднем около 45%) предпочитает амбивалентную позицию, т. е. вступать в ЕЭП на таких условиях, которые не будут препятствовать последующей интеграции Украины в ЕС.

В целом же, рассматривая на протяжении четырех лет динамику массовых предпочтений украинского общества, следует отметить, что за этот период сложился определенный способ взаимодействия политических элит и массовых слоев населения. Политические элиты Украины освоили за эти годы приемы манипулирования политическим поведением масс, выработали механизмы контроля над политическим процессом, позволяющие надежно блокировать любые попытки артикуляции общественных запросов, не соответствующих их (элит) стратегическим интересам. Но с другой стороны, в силу утвердившейся в постсоветский период практики, именно электоральное поведение массовых слоев формально остается решающим фактором в политических играх элит.

Как показывает анализ последних предвыборных кампаний (и 2001 – 2002 гг., и 2004 г.), наиболее эффективно ими освоена игра на размежевании "прозападных" и "пророссийских" ориентаций в украинском обществе. Игра на этом конфликтном поле позволяет постсоветской украинской национал-бюрократии с каждым очередным электоральным испытанием все более усиливать свои политические и хозяйственные позиции и в условиях глобализации противостоять (под лозунгами обретения и защиты подлинного национального суверенитета) угрозам более сильных и весьма напористых игроков с Запада (Европа и США) и с Востока (Россия и ЕЭП).

В результате по мере приближения к рубежу электорального испытания нарастает поляризация массовых предпочтений (особенно заметная при межрегиональном сопоставлении). Однако сами выборы всякий раз приносят соответствующим электоральным группам (как пророссийской, так и прозападной ориентации) разочарование.

Есть основания полагать, что и в новом избирательном цикле, сопряженном с парламентскими выборами 2006 г., – несмотря на, казалось бы, принципиальное изменение всей политической ситуации в Украине – описанные закономерности развития поли-

тического процесса сохранятся. Во-первых, основные установки массового сознания в целом сохраняются неизменными (по крайней мере, наблюдаемые их изменения невелики). Во-вторых, в грядущей избирательной кампании 2005-2006 гг. конфликт ориентаций ("на Запад" – "на Восток") по-прежнему будет одним из ключевых ресурсов электоральной мобилизации и одним из основных сюжетов в политической риторике украинских политиков. При этом, естественно, следует учесть те перемены "политического антуража", которые произошли после событий конца 2004 г. Прежнее "восточноцентрированное" электоральное большинство сменилось новым "западноцентрированным" большинством. Соответственно изменилась и диспозиция основных политических игроков. А разочарование, постигшее пророссийски ориентированное массовое сознание в конце 2004 г., лишь облегчит вторжение в это поле новых политических фигур (в т. ч. и из стана "оранжевой революции").

6. Эффект "оранжевой революции" в массовом сознании украинского общества: выводы и прогнозы

Завершение очередного украинского избирательного цикла (2002 – 2004 гг.) стало рубежом постсоветского развития, обозначившим серьезные дисфункции в ходе адаптации Украины к институциональным образцам современной демократии. В ходе президентской избирательной кампании 2004 г. на Украине наблюдалась борьба различных сценариев и стратегий преодоления этих дисфункций, предлагаемых конкурирующими властными элитами Украины. Эти стратегии предполагали различные варианты решения ключевой проблемы украинского политического кризиса – преодоления разрыва между демократическим институциональным и ценностным идеалом и практикой, выражающейся в неготовности элит к политическому компромиссу в рамках сформировавшихся институтов, а украинского общества – к эффективному использованию институтов демократии для отстаивания собственных интересов.

Победа оппозиции была обеспечена благодаря использованию политического инструмента, получившего наименование "Оранжевая революция". Этот инструмент позволял сочетать заверения в верности демократическим идеалам с более понятной украинскому населению практикой "прямой" или "революционной" демократии (подменяющей собою процедуры и практики демократии институциональной), а также с новейшими манипулятивными технологиями воздействия на сознание избирателя и гражданина. "Оранжевая революция" стала олицетворением породившего ее острого политического кризиса и подтолкнула украинское общество к поиску выхода из этого кризиса за рамки действующей конституции. Именно благодаря этому стала возможна процедура парадоксального *третьего тура президентских выборов*. "Оранжевая революция" стала символом и отчетливым воплощением кризиса политической системы, сформировавшейся на Украине в постсоветский период. Олицетворяя собою выход из кризиса, найденный в процессе "революционного творчества масс", она и сегодня остается своего рода "миной замедленного действия" в основе того политического режима, который сформировался по итогам голосования 26 декабря 2004 г.

Проблема украинской демократии не в том, что кандидат от оппозиции поставил под сомнение президентскую перспективу действующего премьера. И даже не в том, что, предвидя возможности фальсификации результатов выборов, кандидат от оппозиции предусмотрел возможность прямой апелляции к своему электорату. Столкнувшись с фактами нарушений в ходе подсчета результатов выборов, кандидат от оппозиции, руководствуясь прагматическими соображениями борьбы за власть, сделал ставку не на конституцию и закон, а на "революционную" стихию "майдана", на силовое, хотя и бескровное давление *на существующую политическую систему*. Единственным эффективным политическим инструментом в ситуации острой борьбы двух основных кандидатов в президенты оказались хорошо организованные массовые беспорядки, "майдан". Они выступили как политическая альтернатива Конституции и законным процедурам разрешения такого рода конфликтов. Сформировавшиеся за 13 лет "незалежности" политические институты оказались невостребованными и оппозицией, и дей-

ствующей властью, ненадежными, готовыми уступить силе и неправовому давлению "революции". Ни три, казалось бы, успешно пройденных Украиной цикла общенациональных выборов, ни опыт демократического перехода власти (от Л.Кравчука к Л.Кучме) не стали гарантией конституционности политического процесса на Украине.

Чтобы разобраться в причинах того, почему на сей раз (в отличие от выборов 1994 и 1999 гг.) на Украине не удалось сохранить хрупкую целостность политического компромисса между *западом* и *востоком*, необходимо осмыслить суть политического механизма, который на предыдущих президентских выборах обеспечивал общенациональное согласие относительно их итогов.

Кризис 2004 г., как уже упоминалось, отчасти порожден теми трансформациями электорального и политического пространства Украины, которые сопровождали выборы 2002 г. в Верховную Раду. В результате возникла уникальная в новейшей истории Украины ситуация: инициатива консолидации украинского общества (особенно – его право-националистического сегмента) перешла к оппозиционной политической силе, не контролируемой киевской бюрократией. Прежде в ситуации общенациональных выборов процессы массовой электоральной мобилизации находились под контролем власти, которая уверенно маневрировала между политическими запросами *северо-запада* и *юго-востока* Украины, максимизируя в итоге получаемую электоральную поддержку. Появление "Нашей Украины", консолидирующей электорат право-националистической ориентации, фактически лишило власть свободы маневра на этом политическом направлении. Прежние механизмы, позволяющие получить своего рода "имитационную консолидацию" украинского общества, оказались разрушены. Вместе с ними были утрачены и основные предпосылки общенациональной легитимации избираемого Украиной лидера.

Обычно исход президентских и парламентских выборов определялся консолидированным "восточно-украинским" большинством, хотя впоследствии победившие элиты использовали для нужд государственной политики национальную идеологию, генерируемую "западно-украинским" меньшинством. Парламентская кампания 2002 г. сформировала иную, новую политическую ситуацию. Впервые силы национально-демократической ориентации обрели в фигуре В. Ющенко универсального консолидирующего лидера, тогда как пророссийский (а точнее, просоветский) *восток*, напротив, оказался политически дезинтегрированным и деморализованным. Киевская власть попыталась парировать этот "вызов" путем замены премьера (на место А. Кириленко пришел В. Янукович, опирающийся на колоссальные финансовые ресурсы донецких кланов, но лишенный многих важнейших черт интегрирующего нацию лидера). Попытка не увенчалась успехом

В. Януковичу пришлось пойти на использование "нетривиальных", в том числе неприемлемых для части украинских элит, ресурсов политической мобилизации. Он обратился, в частности, к прежде "табуированным" сюжетам: проблеме придания государственного статуса русскому языку, автономизации русскоязычных территорий украинской Новороссии, особенно Донбасса и Крыма. Есть серьезные основания пола-

гать, что раскол украинской политической элиты в ходе президентской кампании 2004 г. во многом был обусловлен как раз тем, что часть элиты, находившаяся у власти (персонифицированная Л. Кучмой и В. Януковичем), нарушила базовое теневое соглашение с оппозицией.

Заметим, что нарушение такого рода основ теневого сговора элит в политических системах чревато весьма разрушительными последствиями. Опасность этого некоторыми аналитиками просматривалась заранее. Так, политический обозреватель Дмитрий Юрьев, писал в конце октября 2004 г.: "Ключевая интрига украинской президентской кампании состоит, как ни странно, не в том, кто именно победит на выборах, а в том, удастся ли сохранить систему гласных и негласных общественных договоров, которые до сих пор обеспечивали хрупкое единство Украины и давали надежду на постепенное становление новой, многообразной и целостной, украинской политической нации, – или эти договоры будут денонсированы, а нация – разрушена"¹⁶.

Действия В. Януковича не остались без внимания оппозиционной части украинской политической элиты (в лице В. Ющенко и Ю. Тимошенко). Они были восприняты как отступление от прежних договоренностей, как повод к сложению с себя всяких обязательств по отношению к сформировавшемуся на Украине политическому режиму и право действовать, не ограничиваясь рамками закона и Конституции. В итоге прежняя политическая конструкция, долгое время обеспечивавшая известную преемственность власти, а также общественный консенсус по поводу принятых в 1991 г. формально демократических правил политической игры оказались на грани краха.

Потенциал традиционных согласительных процедур был исчерпан. Страна оказалась в "политическом тупике". Выйти из него удалось лишь с использованием радикально-революционных и бескомпромиссно-конфронтационных стратегий. Расколотившее сознание украинского общества оказалось готово к их приятию. Общество согласилось даже с тем, что, провозгласив самого себя президентом до оглашения официальных результатов голосования (и даже, вопреки традиции, приняв в стенах парламента президентскую присягу на Библии), В. Ющенко фактически отверг конституционную легитимность и сделал ставку на "революционный" путь обретения власти.

* * *

Победители кампании 2004 г. делают ставку на реформирование и модернизацию институционального фасада украинской государственности. Вместе с тем, они осваивают и используют для достижения собственных политических целей новые манипулятивные практики прямой ("революционной") демократии.

Оборотной стороной такой стратегии всегда бывает нарастание отчуждения между "полноценными гражданами" и "политическими изгоями", чреватое в будущем серьезной угрозой демократии и новому политическому режиму.

¹⁶ См. <http://for-ua.com/authcol/2004/10/26/185544.html>

Каковы же те политические альтернативы, которые возникают сегодня перед Украиной? И каковы возможные социальные последствия происходящих перемен в структуре электоральных предпочтений украинского общества?

Социологические опросы, проведенные за прошедшие со времени президентских выборов полгода, демонстрируют высокую инерционность, устойчивость фундаментальных установок и ценностных ориентаций массового сознания украинского общества. Вместе с тем, на уровне конкретных политических предпочтений налицо разочарование избирателей *юга и востока* Украины в своих прежних лидерах и возглавляемых ими политических объединениях. Проигравшие, – а ими стали не только Л. Кучма и его приближенные, но, фактически, все политические силы, ориентированные на электоральную поддержку преимущественно русскоязычных украинских регионов и оказавшиеся не готовыми признать лидерство В. Ющенко. Компартия (КПУ) П. Симоненко, социал-демократы (СДПУ(о)) В. Медведчука, прогрессивные социалисты (ПСПУ) Н. Витренко и др., – находятся сегодня под угрозой фактического исчезновения с политического поля Украины (особенно в свете предстоящих в начале 2006 г. парламентских выборов). Все они (за единственным парадоксальным исключением – Партии регионов во главе с В. Януковичем) теперь вызывают у избирателя равнодушие (см. рис. 8). Поражение Л. Кучмы и распад сформированного в рамках его режима политического консенсуса стал по существу "моментом отрезвления" ("моментом истины") для значительной части избирателей этих регионов, раскрывшим им бесперспективность ретростратегий, предлагаемых лидерами КПУ, ПСПУ, СДПУ(о) и пр.

Для победителей эта ситуация создает уникальные возможности реконфигурации украинского политического пространства и формирования новой "повестки дня", новых правил политической игры. В преддверии предстоящих в 2006 г. парламентских выборов освобождающиеся электоральные ресурсы (прежде всего на *юге и востоке* страны) оказываются ключевым объектом борьбы между амбициозными лидерами "оранжевой революции". Залогом успеха в этой борьбе становится профессиональное владение универсальными приемами политического популизма, в определенной степени равно востребованного среди электоральных групп и право-националистической, и лево-патерналистской ориентации.

Если предположить возможность нормального, классического, цивилизованного развития политического процесса, то следовало бы ожидать, что доминирование политиков, пришедших к власти благодаря "оранжевой революции", будет способствовать последовательной агрегации политических партий. В результате этого уже к предстоящим парламентским выборам прежнее многопартийное многообразие может "выродиться" до противостояния двух основных политических блоков, соответствующих базовому идейно-политическому размежеванию (cleavage) украинского общества. По состоянию общества на сегодняшний день доминирующим в этом случае будет блок сторонников скорейшей консолидации украинской национальной государственности, а его символами – цвета и лозунги "оранжевой революции". Выработка оппозиционной политической стратегии станет основой формирования блока сторонников культурной и политической автономизации русскоязычных регионов *юга и*

**Партийно-политические предпочтения украинского общества
в мае 2005 г.**

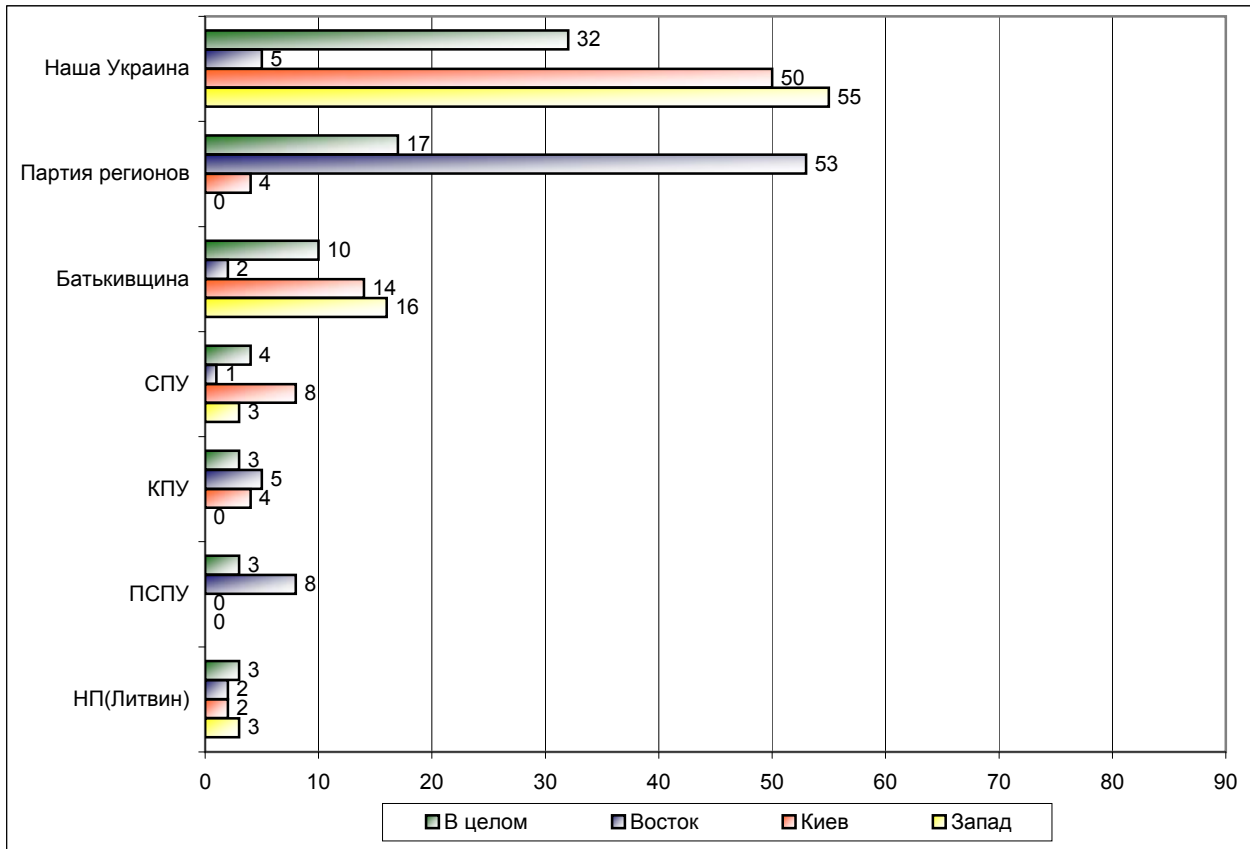

рис. 8

**Партийно-политические предпочтения украинского общества
в ситуации эффективной консолидации
противостоящих друг другу политических сил**

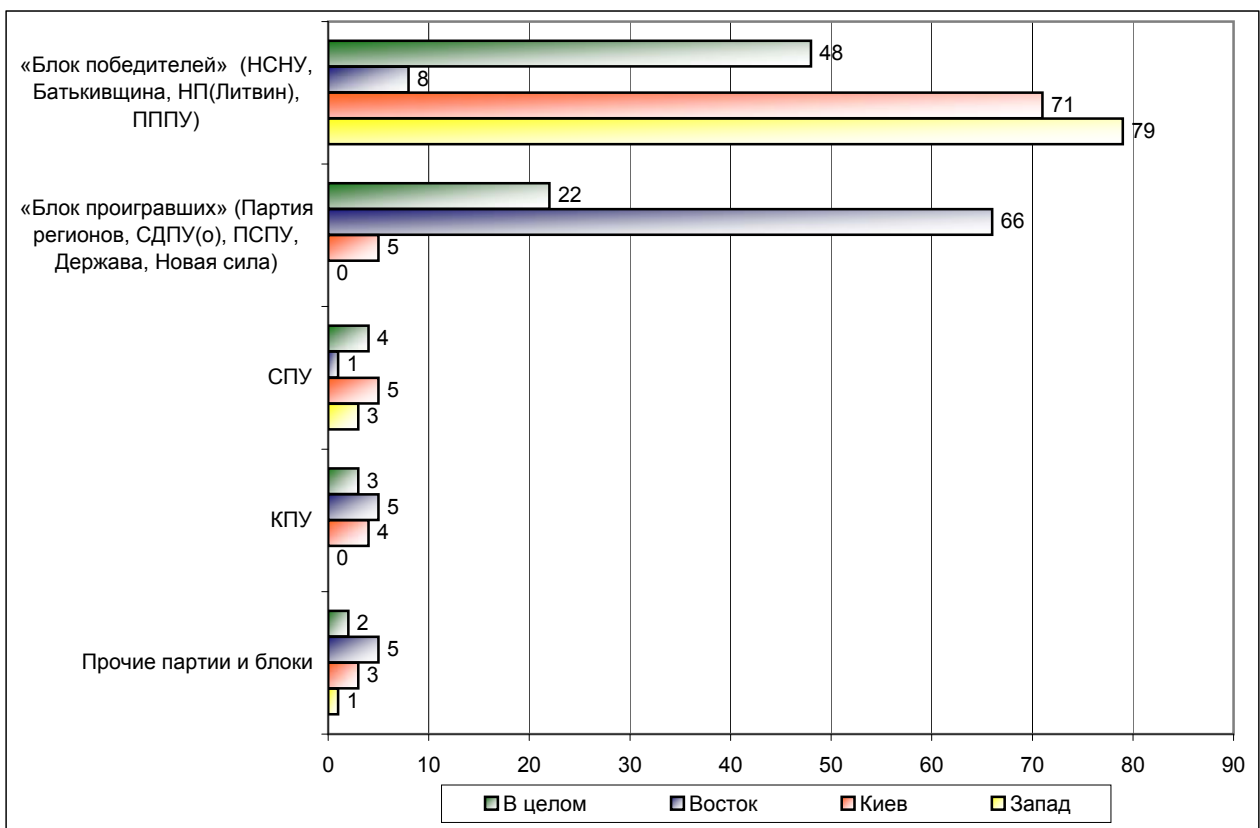

рис. 9

востока как своего рода федеративной (или, возможно, конфедеративной) альтернативы унитарной политической конструкции украинского государства. Подобная протодвухпартийная система (особенно с учетом перспективы перехода к парламентско-президентской республике в результате предстоящей политической реформы) способна обеспечить необходимые условия для институционализации базового конфликта украинского общества и перевода непримиримого противостояния *северо-запада* и *юго-востока* в плоскость регламентированных формальными процедурами и законом прений сторон.

Казалось бы, первые шаги по подготовке к предстоящим парламентским выборам демонстрируют движение именно в этом направлении. В лагере власти идет интенсивный (по внешним признакам) процесс формирования единого предвыборного блока партий, включающего Народный союз "Наша Украина" (В. Ющенко), Всеукраинское объединение "Батькивщина" (Ю. Тимошенко), Народную партию (В. Литвина) и, возможно, Партию промышленников и предпринимателей (А. Кинаха). Процесс формирования такого "суперблока" на сегодняшний день (май – начало июня 2005 г.) носит довольно противоречивый характер, но тот бонус, который могут получить его участники в случае достижения согласия, весьма велик и соблазнителен. В глазах избирателей такой блок стал бы залогом того, что общественные ожидания, связанные с переменами, провозглашенными "оранжевой революцией", не окажутся напрасными. По существу – это блок надежды сегодняшнего украинского большинства. Поэтому победа на выборах и лидерство в будущей Верховной Раде такому блоку фактически уже обеспечены. По данным опроса, проведенного в мае 2005 г., за такой блок готовы проголосовать 48% от общего числа респондентов или 58% от собирающихся прийти на выборы, что само по себе беспрецедентно для постсоветской Украины (см. *рис. 9*).

Единственным достойным его соперником на будущих выборах (хотя и существенно более слабым на сегодняшний день) по данным того же опроса является "блок проигравших", включающий Партию регионов (В. Янукович), СПДУ(о) (В. Медведчук), ПСПУ (Н. Витренко) и ряд других. Сегодня за такой блок готовы голосовать 22% респондентов (или 27% от собирающихся прийти на выборы).

Вместе с тем, шансы на реализацию такого цивилизованного сценария развития событий следует оценить как весьма скромные. Ни в одном из двух противостоящих лагерей нет необходимой политической воли к институционализации теневых практик. И победители, и проигравшие (судя по тем действиям, которые были предприняты основными политическими акторами за последние полгода) намерены продолжать действовать в логике "борьбы без правил", острие которой чаще оказывается направленным на политических союзников, нежели на противников. Иными словами, в сегодняшней практике налицо тенденции к острейшей борьбе в рамках формирующихся политических ниш.

Даже в лагере проигравших наблюдаются попытки противопоставить проекту консолидации на основе "Партии регионов" альтернативный проект с основной ставкой на политическую партию "Трудовая Украина" и с соответствующим перераспределением финансовых и организационных ресурсов донецких кланов.

Еще более драматичные конфликты потрясают стан победителей. Здесь на кону верховная государственная власть и контроль над сулящим огромные прибыли процессом приватизации/реприватизации/национализации прежнего советского хозяйственного комплекса. Не заверченный и поныне процесс отделения власти от собственности удерживает украинское общество и его политиков в плену прежней системы политических и социальных отношений.

Наиболее характерными в этом смысле являются позиции двух ведущих фигур нынешней украинской политики, лидеров "оранжевой революции" президента В. Ющенко и премьера Ю.Тимошенко. Эти два политика выделяются не только по объему сконцентрированных ими властных полномочий, но и по доверию к ним украинского населения и по потенциалу "революционной" ("оранжевой", "помаранчевой") легитимности (см. табл. 11). В их политической коллизии воплощается изначальная двойственность "оранжевой революции".

Само это движение представляло собою единство эффективного политтехнологического решения, подчиняющего управляемую социальную стихию задачам смены политического режима, и реальных массовых ожиданий, связывающих с победой революции надежду на принципиальное изменение характера политической жизни в Украине. "Революция" была результатом не только организованного массового недовольства прежней властью, но и результатом стремительной (в своем роде также революционной) реконфигурации прежнего элитного консенсуса. Раньше украинская элита была выстроена Л. Кучмой в логике его политики "лабиринтов" между Россией и Западом в интересах строительства национального (в понимании постсоветской киевской бюрократии) государства. Команда В. Ющенко предложила принципиально иной проект с прицелом на недвусмысленную интеграцию в политические, военные и экономические макроструктуры Запада и столь же недвусмысленное дистанцирование от России. Соблазн новых перспектив оказался неодолим, что привело к политической изоляции как Л.Кучмы, так и В. Януковича и заложило основы базового элитного консенсуса нового режима.

Вместе с тем, сближение с Западом, евроинтеграция и вхождение в НАТО предполагают принципиальное изменение внешнеполитического имиджа Украины, "осовременивание" характера деловых отношений в экономике Украины, повышения ее инвестиционной привлекательности, улучшение состояния ее судебной-правовой системы, большей прозрачности процедурных механизмов принятия политических решений и т. п. Более того, такой курс предполагает определенное дистанцирование от практики "прямой демократии майдана" и аллюзий по поводу "революционного" происхождения новой власти. С другой стороны, интересы сохранения контроля "победителей" над внутривластными процессами на Украине обуславливают неизбежность новых и новых апелляций к политической практике "майдана", новых попыток гальванизации соответствующих массовых настроений и ожиданий, использования соответствующей риторики и имиджевых ресурсов.

Иными словами, логика "оранжевой революции" навязывает нынешним украинским правителям движение одновременно в двух, по многим параметрам противоположных направлениях. При этом "отложенная" политическая реформа предполагает в конце текущего – начале следующего года радикальное преобразование властной иерархии. Это обстоятельство очевидным образом обуславливает расхождение политических стратегий ключевых акторов украинской политики.

Прозападная стратегия, демонстрирующая политическую волю украинского государства к формированию политико-правовых и социально-экономических предпосылок интеграции со структурами Евросоюза и НАТО, в первую очередь персонифицирована фигурой президента В. Ющенко. Тогда как премьер Ю.Тимошенко олицетворяет собою скорее вторую, массовую ипостась "революции", все более обживаясь в столь близкой постсоветскому массовому сознанию роли "борца за правду" и "народного заступника".

Проводя (в качестве главы правительства) популистскую политику административного давления на олигархов и контролируемые ими сегменты экономики Украины, диктуя цены на ключевых товарных рынках (в частности, на бензин и мясо), поощряя социальные выплаты и т. п., Ю. Тимошенко очевидным образом использует делегированные ей ресурсы власти и массовой электоральной поддержки нового режима. Премьер эффективно конвертирует их в собственный электоральный потенциал. Уже сейчас, по данным майского 2005 г. опроса, Всеукраинское объединение "Батькивщина" имеет третий по Украине рейтинг – 10% (см. рис. 8), при том, что рейтинг доверия самой Ю.Тимошенко фактически уже сравнялся с рейтингом В. Ющенко (см. табл. 11). Более того, показатели доверия премьеру выросли куда как сильнее, чем показатели доверия президенту:

*Таблица 11
(в % от всех опрошенных)*

	Июнь 2002 г.	Июнь 2004 г.	Май 2005 г.
	Кому из политиков Вы доверяете?		
В. Ющенко	32	29	51
Ю. Тимошенко	14	9	46
В. Янукович	–	20	22
П. Симоненко	16	15	12

С учетом сказанного, проект единого "блока победителей" может поставить В. Ющенко в кабальную зависимость от Ю. Тимошенко. Памятуя о предшествующих кулуарных договоренностях двух этих политиков, нельзя исключать, что условием новой договоренности со стороны премьера станет не только самоограничение В. Ющенко 1/3 частью мест в списке объединения, но и гарантия несменяемости Ю. Тимошенко на посту премьера (по крайней мере, до выборов в ВР). Позиция Ю. Тимошенко в этой политической коллизии представляется существенно более выигрышной. Она сохраняет за собой возможность политической инициативы и "права

первого хода" как в вопросах своего пребывания на посту премьера, так и в отношении политической реформы и предстоящего перераспределения властных полномочий между президентом, Верховной Радой и премьером.

Траектория политического развития Украины вошла с конца 2004 г. в область бифуркации, особенностью которой является повышенная чувствительность этой траектории к различного рода т. н. "малым возмущениям". Весь период вплоть до предстоящих парламентских выборов политическая система Украины скорее всего будет оставаться в состоянии "повышенной чувствительности к малым возмущениям" и готовности к переменам. Следует признать, что политическое будущее Украины вновь оказывается заложником соглашений, результатом которых могут стать изменение и конституционного строя страны, и ее политической системы, и структуры собственности в ключевых отраслях ее хозяйства.

В то же время, неизменность социального и ментального базиса, на котором В. Ющенко вынужден выстраивать собственную систему власти, роковым образом провоцирует его на возрождение системы персонифицированной и корпоративной власти, замкнутой на фигуре президента, на формирование новой версии прежней клановой административно-хозяйственной структуры.

"Цветные революции" стали своего рода "закономерностью" на пути эволюции постсоветских демократий. Уже можно говорить об универсальности опыта "революционного преодоления" дисфункций таких политических систем. Вместе с тем, украинский случай демонстрирует известную сопротивляемость сформировавшихся в постсоветский период институциональной системы и политического класса, а вместе с тем их хорошую адаптивность к "революционным" новациям. В этом отношении предстоящие политическая реформа и парламентские выборы на Украине станут тем решающим опытом, который позволит судить о том, сумеет ли страна сохранить инерцию демократизирующего ее политику движения

Литература:

- Башкирова Е.И. Трансформация ценностей российского общества. // *Полис*. 2000. № 6.
- Бек У. *Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию*. М., 2001.
- Бочарова О., Ким Н. Россия и Запад: общность или отчуждение? // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2000. № 1.
- Головаха Е. Выборы президента Украины в социологическом ракурсе. // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 1999. № 4.
- Дилигенский Г.Г. Российские архетипы и современность. // *Вестник РОПЦ*. 1996. № 2.
- Дилигенский Г.Г. "Запад" в российском общественном сознании. // *Общественные науки и современность*. 2000. № 5.
- Дилигенский Г.Г. Президент Путин, реформы и российское общество. Россия в условиях трансформаций. // *Вестник Фонда развития политического централизма*. 2001. № 12.
- Доминанты. Поле мнений. *Социологические сообщения Фонда "Общественное мнение"*. 2001. № 036.
- Дубов И.Г. (ред.) *Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России)*. М., 1997.
- Дюк Н.М. Первое свободное поколение: молодежь, политика и идентичность в России, Украине и Азербайджане. // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2003. № 1.
- Здравомыслов А. О национальном самосознании россиян. // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2001. № 1.
- Здравомыслов А. Национальное самосознание россиян. // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2002. № 2.
- Зоркая Н., Дюк Н.М. Ценности и установки российской молодежи. // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2003. № 4.
- Ильин М.В. Этапы становления внутренней геополитики России и Украины. // *Полис*. 1998. № 3.
- Кандель П.Е. Запад и Россия в российском общественном мнении. // *Современная Европа*. 2000. № 2.
- Капустин Б.Г. *Современность как предмет политической теории*. М., 1998.
- Капустин Б.Г., Клямкин И.М. Либеральные ценности в сознании россиян. // *Полис*. 1994. № 1, 2.
- Клямкин И.М. Политическая социология переходного общества. // *Полис*. 1993. № 4.
- Клямкин И.М., Щевцова Л.Ф. Как власть и оппозиция борются против государства. К вопросу о новой политической реформе в России. // *Независимая газета*. 1999, 7 июля.
- Кувалдин В.Б. Президентская и парламентская республики как формы демократического транзита (Российский и украинский опыт в мировом контексте). // *Полис*. 1998. № 5.
- Лапин Н.И. и др. *Динамика ценностей населения реформируемой России*. М., 1996.
- Лапкин В.В. Трансформация политических ценностей российских избирателей. // *Политическая наука. Динамика политического сознания и поведения. Сборник научных трудов ИНИОН РАН*. 2002. № 2.
- Лапкин В.В., Пантин В.И. *Динамика ориентаций украинского населения (весна 1992 – осень 1993 г.)*. М., 1994.
- Лапкин В.В., Пантин В.И. Русский порядок. // *Полис*. 1997. № 3.
- Лапкин В.В., Пантин В.И. Ценности постсоветского человека. // *Человек в переходном обществе. Социологические и социально-психологические исследования*. М., 1998.
- Лапкин В.В., Пантин В.И. Образы Запада в сознании постсоветского человека. // *МЭиМО*. 2001. № 7.
- Лапкин В.В., Пантин В.И. Запад в российском общественном мнении: до и после 11 сентября 2001 г. // *Полис*. 2002. № 6.
- Лапкин В.В., Пантин В.И. Запад и западный опыт социально-политического развития в российском общественном сознании. // *Куда пришла Россия? Итоги социальной трансформации*. М., 2003.

- Левинтова Е. Политический дискурс в постсоветской России (1992–2001 гг.). // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2002. № 2.
- Макеев С. Процессы социальной структуризации в современной Украине. // *Полис*. 1998. № 3.
- Мелешкина Е.Ю. *Политический процесс: основные аспекты и способы анализа*. М., 2001.
- Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика*. Под ред. Колосова В.А. М.: Институт Фонда "Общественное мнение", 2003.
- Роуз Р. Десятилетие сдвигов, но без особого успеха. // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2002. № 4.
- Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. *Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения*. М., 1998.
- Симон Г. Россия и Украина через десять лет после краха коммунистического режима: сходство и различия. // *Полис*. 2000. № 6.
- Социально-политические ориентации украинских граждан: анализ по макрорегионам. // *Украина. Поле мнений. Социологические сообщения Фонда "Общественное мнение"*. 2001. № 002.
- Толпыго А.К. Украинские политические идеологии. // *Полис*. 1994. № 1.
- Толпыго А.К. Интерпретация украинских президентских выборов 1999 г. // *Полис*. 1999. № 6.
- Украина. Поле мнений. Социологические сообщения Фонда "Общественное мнение"*. 2001. № 002, 003, 013; 2002. № 006, 011, 023; 2004. № 001, 020, 025.
- Укрепление демократии в Центральной и Восточной Европе (1999 – 2000 гг.). // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2001. № 1.
- Хмелько В. Макросоциальные изменения на Украине: годы независимости. // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2001. № 5.
- Холодковский К.Г. Социальные корни идейно-политической дифференциации российского общества. // *Полис*. 1998. № 3.
- Шубкин В., Иванова В. Страхи на постсоветском пространстве: Россия, Украина и Литва. // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 1999. № 3.
- Robertson R., Knondker H. Discourses of Globalization: Preliminary Considerations. // *International sociology*. 1999. Vol. 13. № 1.